

INSPIRIA

САМЫЙ ДОЛГОЖДАННЫЙ ОТДЫХ ПРЕВРАТИТСЯ
В САМЫЙ СТРАШНЫЙ КОШМАР

СКАЛА ЖНЕЦА

САРА ПИРС

INSPIRIA

Сара Пирс
Скала Жнеца
Серия «Ток. И не осталось никого»
Серия «Детектив Элин
Уорнер», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68569534
Скала Жнеца: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-178602-1

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES.
ЛУЧШИЙ ТРИЛЛЕР 2022 ГОДА ПО ВЕРСИИ AMAZON.
Они с нетерпением ждали этого отдыха.

На острове у побережья Англии открылся идиллический курорт, обещающий своим гостям первоклассный отдых и расслабление. Вот только у этого места, известного как Скала Жнеца, очень дурная слава. Несколько лет назад тут произошла серия жестоких убийств...

Но что-то пошло не так.

Под павильоном для йоги находят мертвую девушку – кажется, она просто упала. Но детектив Элин Уорнер с удивлением узнает, что жертва вообще непонятно как оказалась

на острове. Изначально девушка планировала отдохнуть здесь со своей семьей, но в последний момент планы поменялись, и они приехали без нее...

И теперь им грозит смерть на Скале Жнеца.

Чем дольше Элин остается на острове, тем больше тайн ей открывается. А когда очередной гость тонет во время дайвинга, детектив понимает, что в этих смертях нет ничего случайного. Темная история острова повторяется...

Опасное и увлекательное детективное расследование на курорте, где убийцей может оказаться каждый. Детектив от Сары Пирс, автора нашумевшего триллера «Санаторий».

«Напоминает мне тревожные детективы Агаты Кристи – когда убийца может быть с тобой в одной комнате. Свежий, смелый и неотразимый триллер!» – *А. Дж. Финн*

«Тревожно, нервнующе и незабываемо. Это такой тип триллеров, который не отпустит вас до самой развязки». – *Крис Уитакер, автор бестселлера «Мы начинаем в конце»*

«Напряжение неумолимо нарастает и ведет к потрясающей кульминации». – *Дэвид Болдаччи*

«Захватывающий, закрученный page-turner... Читатели первой книги Пирс и любители остросюжетных романов не смогут оторваться от этого атмосферного, иногда жуткого детектива». – *Library Journal*

«Пирс удается сочетать любимую обстановку Агаты Кристи, остров в изоляции, и ценности 21-го века. Потрясающее сочетание триллера и детектива». – *Sunday Times*

Содержание

Пролог	7
1	14
2	20
3	27
4	34
5	39
6	45
7	49
8	52
9	58
10	65
11	67
12	71
13	75
14	80
15	84
16	92
17	99
18	104
19	109
20	115
21	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Сара Пирс

Скала Жнеца

© Рокачевская Н.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление «Издательство
«Эксмо», 2023

* * *

Посвящается маме

*Король ты или дворник, Жнец попляшет со
всеми.*

*Последние слова осужденного убийцы Роберта Олтона
Харриса*

Пролог

Лето 2003 года

Поляну оглашает истошный крик Теи, и перепуганные птицы со шквалом хлопающих крыльев взлетают с деревьев.

Крик какой-то нечеловеческий, пронзительный и отчаянный, от таких воплей все внутри переворачивается и начинают гореть уши.

Ей следовало потерпеть, пока они не вернутся в лагерь. Олли просил ее потерпеть.

Но Тея настояла. За полчаса с тех пор, как они тихо выскользнули из лагеря и уединились, было выпито три бутылки пива, и она больше не могла ждать.

– Не смотри на меня так, сам виноват, что взял столько пива. Если увидишь кого-нибудь, крикни...

Она со смехом отошла на несколько шагов и тщательно выбрала место, чтобы Олли видел только заляпанные песком мыски белых туфель. Тонкая струйка тут же потекла по земле.

Крик усиливается.

Олли на мгновение замирает, но срабатывает инстинкт: он бросается в бой, устремляясь к ней. Однако почти тут же останавливается, и в воздух взлетает облако сухой почвы и листьев.

Кто-то выходит из-за спутанных ветвей.

Скала на одноименном с островом утесе бросает тень на незнакомца, и Олли тут же понимает, что он не из их лагеря. Он не в шортах и футболке, как все ребята, и не в светло-зеленом, как вожатые, на нем что-то темное и бесформенное.

Олли ищет взглядом Тею. И видит, как она лихорадочно продирается сквозь густой подлесок.

Ему хочется бежать к ней, что-то сделать, но тело словно приковали к земле. Он способен лишь смотреть вытаращенными глазами, пока сердце стучит в груди – тяжелые удары отдаются в ребрах.

В чаще что-то движется, а потом раздается звук: резкое хлопанье и щелчок, словно что-то взорвалось и сломалось.

Прежде он такого звука не слышал.

Олли закрывает глаза. Он знает, что это Тея, но мысленно превращает ее во что-то другое. В куклу. Манекен.

Что угодно, лишь бы не Тея.

А когда все же открывает глаза, то видит влажный след, густой и темный.

Кровь.

Струйка разделяется надвое как змеиный язык. Еще один удар, на этот раз сильнее и быстрее, но Олли почти не слышит его, как и второй крик Теи – смазанный, оборванный, как будто застрявший в горле, – потому что Олли уже бежит.

Он ныряет в лес, к той пещере, которую они с Теей нашли вчера, пока остальные разводили костер. Тогда они оба притворились, будто остановились просто поболтать, выпить,

хотя было очевидно, что происходит нечто большее.

Рука Олли на мягкой полоске кожи над ее шортами, а губы прижимаются к ее губам...

Он изгоняет эти мысли и ускоряет бег. Бежит он почти вслепую – садящееся солнце мерцает и вспыхивает сквозь полог деревьев над головой, и не видно ничего, кроме размытой темной зелени и серо-коричневого ковра листвы. Кроссовки разъезжаются под ногами, сухая почва скользит, как влажная глина.

Шипастые ветки впиваются в рубашку. Одна хватает его за руку, выдирает лоскут кожи с запястья. Проступает кровь – неровная линия крохотных красных бусинок на коже.

Олли кажется, что все это уже было, такое странное дежавю, как во сне, из тех ночных кошмаров, когда просыпаешься в поту, тяжело дышишь и долго не можешь опомниться.

Еще через несколько метров деревья начинают редеть, лесная подстилка уступает место песку и камням под ним, плоским слоновым складкам пыльного известняка. Олли добирается до лестницы, которую вчера нашла Тея, – простые деревянные доски, лежащие на земле. Олли несется, по инерции все больше наклоняясь вперед на каждой ступени, и ему приходится отклониться назад, чтобы не упасть.

У подножия лестницы он спрыгивает на песок и бежит к небольшому выступу, где они с Теей лежали вчера ночью с «запрещенными» бутылками в руках.

Олли падает на четвереньки, чтобы заползти под выступ.

Оказавшись там, садится, прижав колени к подбородку, и сосредоточенно дышит. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Нужно замедлить. Успокоиться.

Но тело не желает подчиняться, он никак не может остановить приступы дрожи.

Олли сдавливает голову руками, как будто это поможет изгнать крик, еще звенящий в ушах. Но теперь дело не только в крике: он видел, как тело Теи складывается и падает, словно кукольник резко дернул марионетку за ниточки.

Он бьет рукой по камню над головой. Бьет снова и снова, пока не царапает кожу до крови.

На костяшках проступают красные капли, и по телу тянется нить резкой боли, за которую Олли цепляется, чтобы отвлечься. Только все равно не выходит.

Правда кричит слишком громко.

Он ее бросил. Бросил. Сбежал.

Олли зажимает голову коленями и делает глубокий, судорожный вдох.

Текут минуты, но никто не появляется. Олли понимает, что уже настал вечер. Солнце почти скрылось, песок перед ним теперь в тени.

Нужно подождать еще чуть-чуть, решает он, а потом вернуться в лагерь. Со временем Олли почти убеждает себя, что это была всего-навсего шутка, розыгрыш, который Тея устроила вместе с парнями. Олли цепляется за эту мысль: вот он вернется в лагерь, а она уже там, смеется над ним из-

за того, что сбежал как дитя.

Через несколько минут он выползает из-под выступа. Выпрямляется и осторожно озирается, но пляж пуст, нет ни души.

Пока Олли бежит обратно в лес, он все хватается за мысль о том, что это шутка. Тея цела и невредима. Но стоит ему выйти на поляну, и он понимает, что это не так. Темная струйка крови теперь превратилась в извивающийся ручеек, текущий вниз по холму.

Олли пытается посмотреть на нее, но не может заставить себя взглянуть на то, что находится выше белых туфель-лодочек, совершенно неподвижных и заляпанных красным.

Это не может происходить на самом деле. Только не с ней. Она не...

Олли отворачивается, к горлу поднимается рвота.

И тут он замечает что-то на земле, поверх пыльной лесной подстилки.

Большой камень, сантиметров тридцать в диаметре. Его поверхность выветрена, покрыта крошечными трещинками и ямками в тех местах, где камень разъели волны и песок, но местами он гладкий.

Присев на корточки, Олли поднимает камень. В руке тот кажется таким теплым и шершавым. И что-то в камне выглядит очень знакомым, пока Олли медленно крутит его пальцами.

Когда до него вдруг доходит, он замирает с камнем в руке.

Запрокинув голову, он смотрит на утес, а потом снова на камень.

Олли переводит взгляд с утеса на камень и обратно, пока зрение не затуманивается. Он понимает, что держит не просто камень.

Мягкие изгибы и контуры напоминают скалу наверху.
Скалу Жнеца.

Четверг, 10:00, 2021 год

@explorewildwithjo

– А вот и обещанные новости... Мы на берегу, ждем лодку, которая отвезет нас в центр йоги, только я и не осознавала, насколько далеко остров Кэри... По-моему, как минимум двадцать минут на лодке от побережья.

Джо переключает камеру телефона с фронтальной на заднюю и показывает море, вдали едва виден остров.

– Куча народа спрашивает у меня про «Люмен», так что объясню в общих чертах. «Люмен» – это роскошный курорт на великолепном острове, который вы только что видели, у побережья Южного Девона. При строительстве вдохновение черпалось у легендарного мексиканского архитектора Луи-са Баррагана, поэтому в лесу с видом на море здесь стоят роскошные виллы карамельных цветов. Есть и нечто уникальное: павильон для занятий йогой на открытом воздухе, бассейн со стеклянным дном и безумные веревочные качели над водой... Можно прыгнуть прямо в море. Одна из самых

впечатляющих особенностей – чудесная вилла для молодоженов на отдельном островке. Мне туда попасть не удалось, потому что она уже забронирована, но выглядит потрясно. Уже сегодня мы поплаваем на каяках, но просто для сведения: здесь можно поплавать на доске или каяках, можно заняться медитацией, серфингом и многим другим. – Она делает паузу. – А теперь кое-что жутковатое. Мне нравится легенда об этом месте. Остров получил прозвище по названию скального выступа, который можно увидеть прямо отсюда, – Жнец. Жуть, правда? Местные говорят, что остров проклят. Считается, – тут она понижает голос до шепота, – что скала – это воплощение Жнеца. Во время чумы людей отправляли сюда на карантин, а потом оставляли умирать. Согласно преданиям, души умерших до сих пор бродят по острову и смогут упокоиться, только когда Жнец найдет новую жертву. Если жить на острове слишком долго, вы станете следующей...

Джо снова переключает камеру на свое притворно испуганное лицо.

– Кошмар, да? Но это еще не все. На острове была старая школа, которая уже давно сгорела. Ее забросили, пока в конце девяностых муниципалитет не отдал ее под международный образовательный лагерь. И все было прекрасно, пока в 2003 году смотритель острова Ларсон Кричер не убил группу подростков. – Она снова понижает голос: – Вам не кажется, что из-за всей этой жути место становится только круче?

День первый

Элин Уорнер бежит, и воздух кажется ей липким, как смола, застревая в глазах и волосах.

Сейчас всего лишь шесть утра, но мостовая уже пышет жаром – он стоит как крепкая стена, и нет ни ветерка, чтобы этому помешать.

Элин выбрала маршрут по участку пешеходной тропы юго-западного побережья. Дома по обе стороны – роскошные виллы в викторианском и итальянском стиле, торчащие тут и там на лесистом склоне. На окнах играют солнечные зайчики, а ее отражение на стекле перемещается вместе с ней – стриженные светлые волосы с каждым шагом приподнимаются и падают обратно.

На жаре фасады домов расплываются, контуры сглаживаются. На обочинах трава совершенно желтая – не просто перестала расти, а иссохла и умирает, и лысые участки выглядят как открытые раны.

Летом и раньше бывало жарко, но только не так, когда уже несколько недель печет солнце и температура бьет все рекорды. В газетах без конца публикуют фотографии расстрескавшихся шоссе и поджаренных (какое клише) на автомобильных капотах яиц. Метеорологи уже несколько недель предсказывают похолодание, но оно так и не настало. Только

солнце, одно солнце. Нервы у всех на пределе, люди готовы взорваться.

Элин пока держится, но ее внутренний пейзаж противоречит природному. С каждым днем удушающей жары внутри у нее происходит ровно обратное: возвращается холодная хватка страха.

Он приходит по ночам, все те же повторяющиеся мысли. Но есть способ его обуздать: бегать, бесконечно изнурять себя физически. За эти недели задача все усложнялась: ранние пробежки, долгие пробежки, тайные пробежки. *Самобичевание.*

И все потому, что ее брат Айзек упомянул, что общался с отцом.

Через несколько метров по левую сторону дома уступают место зелени. Тропа огибает зеленый островок сзади, обходя утес.

Сойдя с дороги, Элин устремляется туда в поисках тропинки.

Внутри у нее все сжимается.

Здесь нет ограждения, только метр земли между ней и со-рокаметровой пропастью со скалами внизу, но Элин обожает такое, вот она, настоящая береговая тропа, никаких домов между ней и морем. Отсюда по правую руку видно Бриксхем, а слева – Эксмут. Но все кажется сине-голубым. Море – темнее, с чернильными тенями, а утреннее небо – как бледный пастельный мелок.

С каждым шагом она чувствует, как жара поднимается от почвы через подошвы кроссовок. Элин на мгновение задумывается, что будет, если она не остановится. Может быть, в конце концов она взорвется, как перегревшийся мотор, а может, так и будет продолжать.

Такое искушение – бежать, пока не пропадут все мысли и не нужно будет прилагать усилия, чтобы их сдержать. Ведь именно так Элин иногда себя и чувствует: приходится слишком сильно цепляться за нормальную жизнь. Стоит чуть-чуть поскользнуться, и она упадет.

На вершине холма Элин замедляет бег, наполнившиеся молочной кислотой бедра уже вопят от боли. Она ставит фитнес-браслет на паузу и замечает взбирающуюся на холм серую машину. Едет та быстро, мотор ревет, и чайки, клюющие что-то на плоской дороге, разлетаются врассыпную.

Есть что-то знакомое в форме этой машины, в цвете. Это машина Стида, констебля, который помогает ей во время стажировки. Машина проносится мимо в клубах пыли, из-под колес летит гравий. Элин замечает профиль Стида: нос с легкой горбинкой, крепкий подбородок, русые волосы, намазанные гелем в попытке их приручить.

При взгляде на его лицо из ее легких выходят остатки воздуха. Элин немедленно узнает это выражение: молчаливое напряжение человека, переполненного адреналином.

Он работает. На задании.

Машина останавливается у подножия холма. Стив распа-

хивает дверь и несется к пляжу.

Элин вытаскивает из кармана шорт телефон и смотрит на экран. Из диспетчерской ей не звонили. На это задание отправили одного Стида.

Поднимается на поверхность знакомая тревога, та самая, которая пожирала ее с тех пор, как отдел кадров и Анна, ее босс, решили, что она пока не готова к полноценной работе после перерыва в карьере.

Стид превратился в песчинку вдали,двигающуюся к пляжу. Элин переминается с ноги на ногу. Она понимает, что должна придерживаться плана – бежать домой к Уиллу, чтобы позавтракать, но в ней разыгралась гордость.

Она быстро бежит вниз по склону, мимо машины Стида, и пересекает дорогу. Других машин здесь нет, только кошка осторожно перебирается через шоссе, почти касаясь асфальта полосатым рыжим брюхом. Элин бежит через щетину травы к пустому пляжу. Стида нигде не видно.

Повернув налево, Элин бежит вдоль берега и мимо ресторана, высящегося над пляжем на металлических сваях. Это хижина в деревенском стиле, над дверью висит выбеленная морем коряга с названием: «Лобстер». Ресторан закрыт. Еще вчера вечером на террасе было многолюдно, и сказочные гирлянды освещали бутылки с вином, стоящие в мини-холодильниках, и корзины со сверкающими мидиями и картошкой фри.

Элин обнаруживает Стида чуть дальше, под нависающим

рестораном. Сид стоит на коленях прямо на песке, под тканью рубашки напрягаются мускулы. Элин всегда первым делом замечает в Сиде эту грубую физическую силу, но в его внешности полно противоречий, крепкое накачанное тело не соответствует мягкости черт – чувственные глаза под тяжелыми веками, широкие полные губы. Он принадлежит к тому редкому типу мужчин, рядом с которыми женщины одновременно чувствуют себя под защитой и стремятся защищать сами.

У них сразу сложились отличные профессиональные отношения. Сид моложе ее – ему чуть меньше тридцати, но в нем нет и следа напускной бравады, свойственной мужчинам в этом возрасте. Он умеет задавать правильные вопросы, обладает проницательностью и редким эмоциональным чутьем.

Рядом с ним стоит женщина. Лет под пятьдесят, высокая и мускулистая. На ней синяя купальная шапочка под цвет купальнику, тонкая резина подчеркивает форму головы. Несмотря на жару, она дрожит и в нервном ритме приплясывает с ноги на ногу.

Сид поворачивается, и когда он немного отодвигается, Элин видит ногу на песке. Бледная икра и похожие на салат ошметки водорослей, прилипшие к коже.

Она машинально отступает в сторону, чтобы лучше рассмотреть.

Это подросток. Ужасные раны – порезы на лице, груди и

ногах. Одежда превратилась в лохмотья, рубашка поло целиком разошлась по шву.

Элин подходит ближе, и зрение расплывается, воздушная дымка, словно сироп, размывает сцену. Элин делает еще шаг, и тут все складывается в цельную картину.

Она судорожно охает.

Стид резко оборачивается на звук и удивленно распахивает глаза.

– Элин? – недоумевает он. – Ты...

Но остальные слова растворяются в воздухе. Элин бросается бежать. Теперь она понимает, почему вызвали Стида.

А как же иначе.

Хана Леджер и ее сестра Джо ждут на пристани лодку, которая отвезет их на остров; чемоданы и сумки сложены у их ног. Хана потирает затылок. Солнце выжигает там мягкую кожу, почти как прямым лазерным лучом.

Вода кишит людьми – пловцы, покачивающиеся лодки и каноэ, одинокие фигуры на досках ближе к горизонту. На мелководе плещется ребятня, поднимающая брызги. Малыш бьет пухлыми ручками по пене.

У Ханы сосет под ложечкой, но она заставляет себя вернуться взглядом к малышу.

Не отворачивайся. Нельзя вечно оставаться слепой.

– Ты как?

Джо смотрит на нее через очки-капельки и шумно выдыхает. От этого подскакивают тонкие пряди белокурых волос, выбившихся из хвоста.

– Просто жарко. Не ожидала, что здесь будет такая духота. А как же морской бриз и все такое?

Темные волосы Ханы, постриженные неровным каре, взмокли и прилипли к затылку. Она взъерошивает их.

Джо копается в легком спортивном рюкзаке с множеством карманов и молний. Вытащив бутылку воды, делает большой глоток и передает бутылку сестре. Хана пьет теплую жидкость с привкусом пластмассы.

У ее сестры потрясающая фигура. Высокая, загорелая, она умудряется превратить белое пляжное платье из хлопка и пробковые сандалии, уже немного разношенные, в нечто хипповое и воздушное. После занятий йогой, бегом и лыжами на ее теле играют мускулы.

Прищурившись на ярком солнце, Хана следует за ней до конца пристани. Сам остров выглядит размытым на фоне яркого круга солнца позади него. Четко видна только печально знаменитая скала, торчащая на вершине холма с левой стороны, она напоминает профиль фигуры в капюшоне, а острый выступ похож на косу.

Хана напрягается, от одного этого вида она как будто ощущает удар в солнечное сплетение.

– Не ожидала, что скала и правда выглядит как...

– Жнец с косой?

Джо поворачивается, и хвост хлещет ее по лицу.

– Да.

Несмотря на темные очки, всякий раз, бросая взгляд на остров, она видит мутную тень скалы. Такой резкий контраст с рекламным буклетом – белый песчаный пляж, пышная зелень.

– Но ты ведь ждешь с нетерпением, когда мы туда приедем? В смысле, на курорт, – громко произносит Джо, перебивая завывания гидроцикла.

– Конечно.

Хана выдавливает улыбку, хотя втайне страшится поезд-

ки.

Когда Джо в первый раз позвала ее, она отказалась. Сама мысль об отпуске в обществе их старшей сестры Беа и кузины Майи вместе с их парнями казалась абсурдной. Они не виделись уже несколько месяцев, а в последние годы все больше отдалялись друг от друга. Когда Джо сказала, что затеяла все это с целью снова с ними сблизиться, Хана с трудом ее поняла. Почему именно сейчас? После стольких лет?

Хана придумала очень удобный, как ей казалось, предлог для отказа: без Лиама это совсем не то. Но Джо была настойчива: звонила, писала, даже пришла к ней домой, что случилось редко, с рекламным буклетом курорта.

В конце концов Джо ее доконала, Хана почувствовала себя старой ханжой и согласилась. Таков был стиль жизни Джо – она лидер, но не в смысле начальник, а просто благодаря личному обаянию. Каким-то образом люди всегда попадали в ее поток, даже не осознавая, что их подтолкнули.

Хану это никогда особо не беспокоило, а Беа прямо-таки бесило. Книжный червь и интроверт, Беа считала кипучую энергию и общительность Джо чрезмерными. Быть может, Хана относилась к этому спокойнее, потому что находилась где-то посередине – занималась наукой, но не на уровне Беа. Была спортивной, но не такой, как Джо.

– Хочу запостить фото острова с этой точки...

Джо делает снимок.

Хана отворачивается. Ее страшно раздражает это посто-

янное документирование каждого движения, но она не жалуется. Вся поездка – результат бешеной активности Джо в соцсетях. Как тревел-блогеру ей платят бесплатными путешествиями. У нее почти четыреста тысяч подписчиков, в комментариях постоянно отмечают ее естественность и черты, с которыми себя может ассоциировать каждый, – немного крупноватые губы и нос, как у Барбры Стрейзанд.

– Вряд ли это за нами. – Джо сует телефон обратно в карман. – Еще рано.

По воде приближается лодка, оставляющая за собой пенный белый след. Хана смотрит на крупные буквы на ее борту. «Люмен». Джо сверяется со своим фитнес-браслетом.

– Хотя, вообще-то, уже без пяти. А где все остальные? – Она поворачивается в сторону пляжа. – Кстати, кажется, вон там Сет...

Хана следует за ее взглядом:

– Правда?

– Правда? – передразнивает ее Джо. – Изобрази хоть немного радости, Хана. – Она качает головой. – Я знаю, ты от него не в восторге. Для тебя он слишком «рисковый». – Она показывает пальцами кавычки. – Так ведь? – Лицо Джо каменеет. – Напрасно я это сказала. Это было не всерьез.

Между лопатками Ханы скатывается струйка пота. Джо – мастер внезапных поворотов.

– Привод в полицию – это уже всерьез. Мы просто беспокоимся о тебе.

– Он всего лишь связался не с теми людьми. Конец истории. – Глаза Джо вспыхивают. – В мире нет идеальных людей, знаешь ли, не все могут день-деньской распевать веселые песенки и учить детишек арифметике.

Хана смотрит на нее. Вот оно. Неожиданный удар под дых. Именно поэтому она и считала такой отпуск плохой идеей. Потому что Джо, как обычно, способна разделаться с ней всего несколькими меткими словами. А хуже всего, что это не просто колкость, именно так о ней и думают остальные члены семьи – примитивное клише, женщина, умеющая только лепить поделки из пластилина и петь дурацкие песенки.

Они и представить не могут реальное положение дел. Дети с липкими пальцами, которые хватают и щипают ее и которые выдают все мерзости, что происходят у них в голове, без обиняков, – поэтому Хана уже точно знает, что за люди из них вырастут.

Пока Сет приближается к ним, Джо поднимает руку, машет и снова расцветает улыбкой. Как будто щелкнул переключатель.

– Эй! – кричит она. – Ты здесь!

Хана внимательно его рассматривает. К ним идет хорошо сложенный мужчина в шортах и футболке. Рост, походка, надувнутая на глаза бейсболка – все до дрожи знакомо. Солнце светит в глаза, и лица не разглядеть, но сходство поразительное. Вопреки тому, что подсказывает ей логика и рассу-

док, сердце колотится, прежде чем она снова возвращается к реальности.

Конечно, это не он. Лиама больше нет. Он умер, умер, умер.

Нервно сглотнув, она берет себя в руки. И тогда замечает другого человека, более худого, который идет позади Сета. Это Кaleb, парень Беа. Но ее самой нет.

– Где Беа? – спрашивает она у Джо.

– Решила не ехать, – отвечает Джо тонким голосом. – Я же тебе говорила, разве нет?

– Нет, – жестко говорит Хана. – И когда?

– На прошлой неделе. Что-то там с работой вроде бы. Командировка в Штаты. Беа отменила поездку. Ничего удивительного. Она всегда была трудоголиком, но в последние годы это перешло на другой уровень.

– И вместо себя она прислала Калеба. Так сказать, заместителя.

Джо поводит плечами:

– Хороший повод с ним познакомиться.

– Почему ты не перенесла поездку, когда узнала, что Беа не сможет?

– Было уже слишком поздно. А кроме того, нам это нужно, Хан. – На ее лице отражается тихая, но твердая решимость. – Снова наладить отношения. – Прежде чем Хана успевает ответить, Джо уже поспешно уходит, почти бежит. – Пойду их встречу.

Проходя мимо Ханы, она сбивает собственный рюкзак, прислоненный к чемодану. Он расстегнут, и содержимое тут же высыпается: щетка для волос, дневник, кошелек. Полупустая бутылка с водой катится по пристани.

– Вот черт...

Джо хватается бутылку, кое-как запихивает все обратно в рюкзак и бежит к Сету.

Хана уже собирается последовать за ней, но внезапно видит, что Джо кое-что упустила – смятую бумажку. Наклоняясь, она подбирает ее. Пробегает глазами по странице.

Там написано: «Хана», а затем три одинаковых коротких слова, только первые два зачеркнуты.

«Прости. Прости. Прости».

Когда Элин заходит в квартиру, с нее градом льет пот, горловина майки стала темно-синей от влаги.

Кожа горит, но не от физической нагрузки, а от разговора с Анной по пути вниз с холма. Это была обычная вежливая болтовня, но Элин поняла истинную причину ее звонка. С ней связался Стив. Рассказал, что видел Элин.

Она мысленно меняет реплики в разговоре:

– Стив прислал сообщение, верно?

– Да, и его беспокоит...

– Это Хейлер, да? Он вернулся.

В ее голове пульсирует имя: Хейлер, Хейлер. Первое расследование, которое угнездились внутри нее как паразит и выскребло дочиста. Хейлер убил двух девушек и привязал тела к лодке, чтобы винт сделал свое дело. Элин позволила ему ускользнуть. И это ее сломало. Дело Хейлера стало для нее спусковым крючком и привело к перерыву в карьере и быстрому изгнанию из отдела по расследованию убийств. Она лишилась любимой работы. И вдобавок начались панические атаки и приступы тревоги.

Лишь когда Элин нашла того, кто убил невесту ее брата в Швейцарии, преследующая ее тьма ослабила хватку. Как бы ни были кошмарны те события, она получила ответ на вопрос, мучивший ее месяцами, – Элин по-прежнему хоте-

ла быть детективом. Она решила вернуться. Как и Хейлер. И время для этого – хуже не придумаешь, ее медленное возвращение в убойный отдел совсем застопорится. Ее не захотят подпускать даже близко...

Язык едва ворочался во рту, слова выходили неуклюжими.

– Я с этим справлюсь, Анна. Даже если я и вернулась в группу, мне необязательно в этом участвовать, могу просто переждать.

Повисла напряженная тишина. Анна смутилась:

– Нет, это не Хейлер. Тот парень, которого ты видела на пляже, пропал без вести несколько дней назад. Самоубийство. Он был уже мертв, когда его разрезала лодка.

Это не Хейлер.

Она поспешила и пришла к неверному выводу. Запаниковала, как всегда. Мысли об этом грызут Элин, но она отгоняет их и открывает дверь.

Она идет по коридору квартиры. Пока что Элин не называет ее домом и чувствует, что должна обращаться с ней бережно, как с драгоценным имуществом, принадлежащим кому-то другому, хотя и знает, что не права. Прошло уже два месяца, пора привыкнуть, что это ее жилье.

И дело не в квартире. Она чудесная и просторная – с видом на море, стоит среди домов, построенных в стиле Регентства и образующих полумесяц. Все важные решения они принимали вместе с Уиллом. Простой дизайн, нейтральная

палитра, тщательно выбранная мягкая мебель: угловой диван, джутовый ковер, маленький диванчик цвета яичного желтка.

Элин наслаждалась процессом, хотела подчеркнуть свою гибкость, показать Уиллу, что преодолела поворот и на этот раз не собирается оглядываться. Но все равно оглядывалась, ничего не могла с собой поделаться. Она скучает по старой квартире – пышному двухместному дивану, с которого она смотрела, как дождь заливает соседнюю квартиру, читала во время еды, и никто ее не прерывал.

Уилл сидит на диване, с открытым ноутбуком на коленях. Элин видит обрывки фраз: «...подготовка к награждению сейчас важн...»

К его уху прижат телефон, Уилл разговаривает тихо и настойчиво.

Уилл – архитектор, работа для него и источник заработка, и страсть. Элин очень нравится его любовь к архитектуре, что он воспринимает мир по-своему, приобщаясь к прекрасному на таком уровне, который для Элин навсегда останется недостижимым. Она идет на кухню и наливает стакан воды.

Через несколько мгновений Уилл поворачивается:

– Ты рано вернулась.

– Под конец решила срезать путь. – Она глотает воду. – Кто это был?

– Джек. План проекта в Сток-Габриэле утвердили. – Наклонив голову, он изучает ее: – Что-то стряслось?

Уилл слишком хорошо ее знает.

– Можно и так сказать. – Ее голос дрожит. – Выставила себя душой.

Элин объясняет, что произошло: как она последовала за Стидом, неловкий разговор с Анной.

Выражение его лица смягчается.

– Я бы не стал беспокоиться. Дело Хейлера ведь было твоим последним расследованием. Было бы странно, если бы ты о нем не думала.

– Но дело не только в этом, я запаниковала... Вспомнила о Сэме.

– Элин, ты получила все ответы, которые хотела. И можешь двигаться дальше.

Уилл прав, но, когда она получила ответы на вопросы о гибели брата, оказалось, что все совсем не так, как она воображала. Ее брата Айзека даже не было там, когда погиб маленький Сэм. Там была она. Когда он упал в воду и ударился головой о камень, она просто оцепенела. Не пришла ему на помощь.

– Никто тебя не винит. Ты была совсем маленькой.

– Но... Думаю, папа как раз винит. – Ее голос срывается. – Айзек сказал, что собирается его навестить. Это навело меня на мысли о том, что в то время я не считала важным, но теперь...

– Что теперь? – мягко говорит он.

– В тот день, когда папа ушел, он собирался залезть на

скалу, откуда можно прыгнуть в море. Я не смогла прыгнуть и разревелась на вершине, испортила всю поездку. А потом папа сказал: «Ты трусиха, Элин. Трусиха». Вышло так, что это были его последние слова, сказанные мне. Позже родители поссорились. А вечером папа ушел.

– Но его слова были не о Сэме...

– Нет, о Сэме. Именно по этой причине папа и ушел. И он был прав. Я трусиха. Сегодня я сбежала.

– Ты не трусиха. Ты делаешь успехи. Маленькими шагами.

Элин кивает, но прежде она не нуждалась в этих маленьких шагах. Она была проницательна и амбициозна. Добилась определенных успехов. Прежняя Элин не работала бы стажером в Торуне. Это унылая, изматывающая работа: координация опросов соседей, сбор видео с камер наблюдения и допросы свидетелей. Ничего интересного.

– Я знаю, это совсем другое, – мягко говорит Уилл.

Она пожимает плечами:

– Да все теперь другое.

Трудно сравниться с высокими ставками убойного отдела, бешеным ритмом оперативного штаба, каверзными делами, при расследовании которых нужно пораскинуть мозгами, определениями стратегии и плана атаки. Теперешняя работа и близко не похожа на это, но что, если для нее теперь это потолок?

Уилл копается в телефоне:

– Последняя встреча у меня в четыре. Как насчет ужина

в ресторане? Поговорим нормально.

– Звучит неплохо. Кстати, я слышала, как ты упомянул о награде. Хорошие новости.

Его щеки розовеют:

– Ах да, проект выдвинули на премию.

– Отлично.

Элин с удивлением обнаруживает, что улыбка дается ей с трудом, в глубине души зреет червоточина зависти. Мысленно она представляет, как и сама достигает успехов в карьере, но это не так. Только Уилл двигается вперед – как будто у него есть мотор, а она бредет еле-еле.

Он потягивается, и край его футболки задирается. Уилл так старается выглядеть безразличным, что все становится предельно ясно. Он пытается преуменьшить значение новости. Что куда хуже, чем его невниманье.

– И что за проект?

– Центр йоги. Курорт «Люмен». – Уилл с неприкрытой гордостью улыбается: – Совершенно неожиданно.

«Люмен». Дитя Уилла, которое он спроектировал сам, роскошный курорт на острове в нескольких километрах от побережья. Центр йоги стал новым лицом острова: фирма Уилла буквально снесла прошлое бульдозером, построив здание, сочетающее в себе массивную современную архитектуру и мексиканские цвета. «Люмен» был его страстью. Когда Элин познакомилась с Уиллом, он почти сразу же рассказал ей о проекте. «Мы все переделали, но поработали и с

ландшафтом, использовали камень бывшей школы, который добывали на острове...»

– Национальная награда принесет фирме известность.

И дело не только в этом, думает Элин. Это признание его творческого мастерства, подтверждающее, что он сумел изменить представление людей об острове.

– Поздравляю! И не надо ради меня преуменьшать значимость события. Мои проблемы не должны тебя тормозить. Я уже научилась с ними разбираться.

– Проще сказать, чем сделать, я знаю, – улыбается он. – Не хочешь кофейку? У меня есть время между созвонами.

– Да, только запишу свое время... Я пробежала всего лишь половину, но...

Элин берет с приставного столика блокнот. Статистику собирает ее фитнес-браслет, но ей все равно нравится записывать все на бумаге. Это единственная сфера ее жизни, где Элин делает заметные успехи.

Она поднимает голову, чувствуя взгляд Уилла. В его глазах она видит жалость.

Он тут же смущенно опускает взгляд к полу – его разоблачили.

Хана смотрит, как надувная лодка приближается к причалу, оставляя в кильватере рваную линию белой пены. А в голове все крутятся слова, которые она только что прочла.

«Прости. Прости. Прости».

Она была права, эта поездка не просто способ снова объединить семью. И Хана уверена, что причина, по которой ее организовала Джо, связана с выпавшей из рюкзака запиской.

– Джо Леджер?

Из лодки, оставив ее раскачиваться у причала, выбирается молодой парень.

Привязывая лодку, он приветствует их отработанной радостной улыбкой, взгляд прячется под затемненными стеклами очков. На вид ему слегка за двадцать, на нем накрахмаленная белая рубашка поло и шорты.

– Это я.

Джо делает шаг навстречу и улыбается. Она явно почувствовала облегчение, когда неловкие приветствия закончились – уж больно разительно отличались слишком пыльные объятия Джо с Калемом от молчаливого легкого прикосновения Ханы.

– Меня зовут Эд.

Лодочник направляется к ним.

Сет с улыбкой выступает вперед и энергично пожимает

протянутую руку, выставив широкую грудь. Он в своем репертуаре. Качок, но до чего же хорош, думает Хана, рассматривая его крепкие бицепсы. Она вспоминает, как они впервые встретились в кафе неподалеку от дома. Сет представился – с напускной скромностью – и принялся флиртовать с ее матерью и сестрами по очереди, задерживая на них взгляд, рассыпаясь в комплиментах. Он явно ожидал, что его посчитают привлекательным. Хотя он такой и есть – высокий, бородатый, мускулистый, – и Хана, конечно же, считала его привлекательным, но эти «ожидания» были мерзкими. Как будто все обязаны в него влюбиться.

Когда рукопожатие наконец-то завершается, Хана ловит взгляд Калеба, и они обмениваются улыбками.

Ей удастся впервые как следует его рассмотреть. Шорты в стиле сафари и выцветшая футболка с Пакманом демонстрируют нарочитую непринужденность технаря из Кремниевой долины. Калев старше всех и более образованный, но каким-то образом хорошо вписывается в компанию и до сих пор не расстается с замашками студента.

Внешне он полная противоположность Сету – худощавый, с резкими чертами лица и невзрачными, мышиного цвета волосами, так что он легко сливается с толпой. Хана помнит удивление матери, когда Беа в прошлом году привела Калеба. Предыдущие ее мужчины, по меткому выражению матери, были «бодры и веселы».

Спустя несколько дней материнское мнение стало менее

однозначным: *есть в нем какое-то самодовольство*. Они заметили это за ужином на следующий день: Кaleb, выпив, высказывался о политике и образовании и сболтнул лишнего. Хану это не беспокоило. Она восхищалась, как уверенно Кaleb говорит о том, с чем она согласна, но никогда не решилась бы высказать. Хана всегда слишком беспокоилась о том, что подумают о ней другие.

Когда они снова встретились – на этот раз только сестры и Кaleb, он понравился Хане еще больше. Острый ум, суховатый юмор и спокойная уверенность, которую часто не замечают в присутствии выскочек вроде Сета. Кaleb был так же умен, как Беа, и не боялся с ней спорить, в отличие от большинства людей. Мощный интеллект Беа пугал почти всех, заставляя либо помалкивать, либо защищаться.

– И сколько человек мы еще ждем? – интересуется лодочник.

– Только одного. – Джо смеется. – О, она уже здесь.

К ним почти бегом спешит Майя, миновавшая уже половину причала: одна тряпочная кроссовка развязана, шнурок волочится следом. Одета Майя, как всегда, в тонкое серое платье, которое свободно болтается на загорелой поджарой фигуре. На голову накинута ярко-розовый шарф с рисунком в виде белых ананасов, лишь слегка умиротворяющий копну черных кудрявых волос.

Лицо Джо расплывается в улыбке.

– Чуть не уехали без тебя. Я...

Она не успевает закончить предложение, прежде чем Майя врзается в них, притягивая Джо, а затем и Хану к себе, и они сталкиваются локтями. Объятие выходит неуклюжее, как будто они уже разучились обниматься. Когда Майя отходит, с ее плеча падает потрепанная черная сумка, которая выглядит подозрительно маленькой и легкой.

Джо прищуривается:

– Ты точно все взяла?

Хана едва сдерживает улыбку. Джо прислала им длинный список того, что нужно взять в поездку. Футболки для плавания. Кепки. Обувь для пляжа. Солнцезащитный крем. И так далее.

– Конечно. Все по списку из последнего письма.

Поймав взгляд Ханы, Майя подмигивает:

– Ну ладно, поехали.

Лодочник уже идет к воде.

Когда Хана забирается в лодку, раздается громкий звук. Она подскакивает. В паре метров со стены у ресторана в море ныряют подростки, их шорты раздуваются в прыжке. Резкий шлепок, когда они врзаются в воду, звенит у нее в ушах.

– Все нормально?

Джо садится рядом с ней и наклоняет голову совсем близко. Ее голос полон сочувствия, но есть в нем и что-то еще. Раздражение?

– Да. Просто испугалась.

– Ты уверена, что...

– Что? – резко обрывает ее Хана.

Джо пожимает плечами, но Хана знает, о чем она думает.

Ты уверена, что панические атаки прошли?

Ее поведение в прошлом году, неспособность встряхнуться и вернуться к нормальной жизни превратили ее в глазах Джо в ущербного, сломленного человека. И Джо почему-то считает, что имеет право вмешиваться. По ее мнению, Хана уже должна была с этим справиться.

После несчастного случая с Лиамом в прошлом году в памяти осталось лишь то, как Джо смотрела на нее – не соперничая, а изучая, словно пыталась найти какую-то прореху в горе Ханы, сигнал, что все это временно.

Даже сейчас Джо с трудом упоминает об этом, предпочитая использовать эвфемизмы: после «несчастья с Лиамом» она хотела, чтобы Хане «стало лучше». Можно назвать это миллионом дурацких слов, но все сводилось к одному пожеланию: «Пора с этим покончить».

С резким толчком лодка отходит от причала и набирает скорость, Джо сталкивается с Ханой и смеется, все улыбаются.

Снова щелкает переключатель.

Хана смотрит на сестру с возрастающим отвращением. Не следовало сюда приезжать. Это была дурацкая идея.

– Еще немного, – говорит Эд, перекрикивая вой двигателя. – Максимум пара минут.

Хана смотрит на часы, ее лицо в брызгах морской пены. Они плывут уже больше двадцати минут. Она оглядывается на берег – деревянный хребет причала едва виден. Суета и сумятица побережья теперь кажутся ей далекими.

Джо вытаскивает телефон и машет рукой Хане и Майе, чтобы пересели ближе:

– Давайте, отвернитесь от моря.

Они повинуются и чуть не стукаются головами, когда лодка подпрыгивает на волне.

– Сначала мы подойдем к обратной стороне острова, – объясняет лодочник. – На этом берегу ничего не строили. Слишком густой лес.

Кaleb тихонько присвистывает. Хана щурится, чувствуя легкий приступ паники при виде густой стены зелени. Она представляет, как темно в чаще – в тех местах, где ветки деревьев сплетаются как пальцы, закрывая небо, а солнечный свет рассеивается и почти не проникает внутрь.

Майя поворачивается к Хане:

– Мы так долго не виделись. Хреново у нас получается поддерживать связь, да?

– Да.

Хана рассматривает свою двоюродную сестру. Вблизи ее лицо внезапно кажется незнакомым. Хана и забыла, какая Майя красавица – необузданная кудрявая шевелюра и загорелая кожа, унаследованные от матери-итальянки. Майя до сих пор выглядит такой юной, но, возможно, это только в глазах Ханы – ей всегда трудно было представить Майю взрослой. Будучи на шесть лет младше, она вечно останется ребенком, за которым Хане следует присматривать. Дело не только в ее внешности, но и в образе жизни. Майя с легкостью перемещается из одного места в другое, от одного человека к другому.

– Мне не стоило говорить «у нас», – продолжает Майя. – Это я вечно забываю ответить.

– Ничего страшного, – говорит Хана, но звучит это раздраженно, и она пытается смягчить тон: – Я и не ожидала, что мы всегда будем держаться за руки.

Но именно это и делала Майя все те месяцы после смерти Лиамы. Катастрофа снова их сблизила, хотя и временно. Когда все остальные вернулись к своим делам, Майя стала для Ханы якорем, спокойным и непоколебимо надежным. Даже сейчас Хана точно не знала, то ли остальным родственникам стало скучно, то ли они просто забыли о ней, поглощенные обычной рутинной жизни. Не считая его смерти, тяжелее всего было одиночество – именно в те моменты, когда она больше всего нуждалась в людях.

– Как ты сейчас себя чувствуешь? – спрашивает Майя,

встретившись с ней взглядом. – Лиам...

– Я просто по нему скучаю. Я не знала, что это будет так... ошутимо.

Она не может облечь свои телесные ощущения в слова: как ужасно сжимается горло, когда она смотрит на его половину кровати, и как пусто в груди, когда думает о будущем, которого у них уже никогда не случится. Обо всем, что они потеряли. Потому что это и есть горе: потеря.

Хана потеряла все: вечно небритого Лиамы, его способность оживить события своими проникновенными рассказами – он как будто раскладывал в ее голове карту. Жизнь для Лиамы была одним большим приключением. Реки, по которым нужно сплавиться на каяке, холмы, чтобы забраться на велосипеде. Он придавал миру цвет, а без него все потемнело. Хана и сама потемнела и не знает, как выбраться из этого состояния.

Ее размышления прерывает лодочник:

– Слева вы можете наблюдать виллы.

Он прав: среди деревьев мелькают здания, прямой угол бледно-розовой стены на фоне небесной синевы, большой квадрат окна с прыгающими на нем солнечными зайчиками.

Над пляжем высится центр йоги, из бухты к нему змеится извилистая лестница. Несколько крупных низких зданий выкрашены в сочные тона – синий, персиковый. Справа и чуть ниже, слегка на отшибе, в скалах торчит бассейн со стеклянным дном.

– И как тебе? – Сет толкает Калеба в бок. – Беа многого лишилась, правда?

– Точно, – поводит плечами Калед. – Придется нам еще раз сюда приехать.

Хана отмечает реакцию Сета на неопределенный ответ. теперь он пристально изучает Калеба. Ему явно не по себе от скудости жестов Калеба – тот и не пытается быть дружелюбным.

Майя наклоняется ближе и понижает голос:

– Что ты об этом думаешь? Когда Беа отменила поездку, я решила, что и он откажется.

Хана тут же замечает, что она употребила прошедшее время.

– Ты знала, что она не приедет?

– Да. Джо прислала сообщение пару недель назад.

Хана кивает, и тут до нее доходит – Джо не просто забыла ей сказать, она специально промолчала, чтобы Хана тоже не отменила поездку. Возможно, Хана не поехала бы, если бы знала, что Беа не будет, – только втроем сестры могут сбалансировать друг друга.

Беа и Джо – две крайности. Тихая и шумная. Интроверт и экстраверт. Книжный червь и спортсменка. Хана где-то посередине, и ей кажется, что проводить время только с одной сестрой как-то неправильно, как будто она слишком сместилась к одному полюсу.

– Я рада, что ты все-таки выбралась, – тихо говорит

Майя. – Я все никак не могу выбросить из головы, что мы нарушили обещание.

Обещание. Держаться вместе. Никогда не забывать. Хана морщится от наивности этой фразы. Они дали это обещание в детстве, после пожара в доме Майи, который произошел, пока вся семья спала. Огонь разрушил не только их дом, но и семью. Выбрались все, кроме Софии, младшей сестры Майи. Когда ее искали, ее комната была пуста, и родители решили, что она уже убежала из дома. Обнаружив, что это не так, они пытались войти обратно, но пожарные их не пустили. Они-то и нашли ее – от страха София спряталась под кроватью, но к тому времени ожоги уже были слишком серьезные и привели к разрушительному кровоизлиянию в мозг. Родители Майи не смогли ухаживать за ней, и теперь София живет в интернате в пригороде Бристоля.

Обещание держаться вместе дали три сестры и Майя, но их когда-то нерушимая дружба не протянула дальше подросткового возраста.

– Прибыли! – Лодка приближается к причалу, и Джо уже собирает вещи. На пристани стоит служащий курорта, который держит поднос с соком в высоких стаканах – жидкость внутри ярко-оранжевая, как закат. – Отлично! Самое оно перед греблей на каяках.

Майя озадаченно смотрит на нее:

– На каяках? Мы же только что приехали.

– Я забронировала каяки... – Джо смотрит на фит-

нес-браслет. – Через полчаса.

– А разобрать вещи?

– Я решила, что всем страшно хочется забраться в воду.

Майя с непроницаемым лицом кивает.

Когда через несколько минут катер наконец причаливает, Джо выпрыгивает первая.

Обернувшись, она протягивает руку Хане.

– Прости за то, что я сказала, ну, когда спросила, все ли в порядке, – бормочет она, помогая ей сойти на причал. – Мне просто хочется, чтобы все прошло хорошо...

Когда она изучает лицо Ханы, чтобы узнать реакцию, то смотрит как-то затравленно. Обычно Джо несвойственно показывать свои чувства, не говоря уже об извинениях, и Хана начинает сомневаться в своих выводах о найденном письме. Может, все это – ее способ извиниться за то, что не была рядом. Ничего более.

Но как только Джо берет ее под руку, Хана невольно каменеет.

Нельзя терять бдительность.

Элин вяло ковыряется в оставшемся куске жареной курицы и отставляет тарелку в сторону. Хотя двери ресторанной террасы открыты, нет ни ветерка, а зал набит битком, так что становится только жарче. У бара толпятся несколько компаний, слышны обрывки их разговоров.

Уилл сжимает ей руку, и Элин улыбается. На языке у нее кисло-сладкий привкус вина, и это напоминает их первые свидания, праздничные ритуалы ужинов в ресторане, выбор напитков и блюд, толпу людей вокруг.

– Внимание-внимание.

Уилл указывает на заднюю дверь ресторана.

Элин следует за его взглядом. По пляжу шагает мужчина лет шестидесяти, в тесных зеленых плавках. Это их любимое с Уиллом летнее развлечение. Они теперь знатоки, оценивающие степень эксгибиционизма по высоте посадки, цвету, прозрачности и тому, насколько плавки открывают ягодичцы.

– Как считаешь? Девять баллов?

– Не-а... семь, – отвечает она с невозмутимым видом. – Главное все-таки прикрыто.

Уилл смеется, но, когда умолкает, Элин видит напряжение на его лице.

– А если серьезно, я хотел тебя кое о чем попросить.

Она поднимает бокал с вином:

– Звучит зловеще.

– Вовсе нет. Хотел показать тебе вот это. – Он вытаскивает телефон и поворачивает экран в ее сторону. – Сообщение от Фарры. Говорит, что не сможет встретиться в эти выходные, занята на работе.

Фарра, старшая сестра Уилла, работает менеджером в «Люмене». Брат с сестрой всегда были очень близки, по мнению Элин, даже слишком, но это семья Уилла. Постоянные телефонные звонки и сообщения.

– И? Ты же сам говорил, что в этом сезоне будет напряженно.

– Да, но в последнее время она ведет себя как-то странно. Сама не своя. Мама и папа сказали, что она была какой-то рассеянной, когда навещала их на прошлой неделе. Я спросил ее об этом, но ты же знаешь, какая она. Никогда не показывает слабость.

Вы все такие, мысленно поправляет его Элин. Вся семья постоянно демонстрирует свою открытость – семейные встречи, разговоры по душам за обедом, – но со временем Элин поняла, что эта открытость очень избирательная. Они стараются не выдать ничего, что могло бы поставить их в невыгодное положение.

– Может, амурные дела?

– Не думаю. – Он теребит пальцами поношенное серебряное кольцо. – После Тобиаса у нее никого не было. – Уилл делает паузу. – Иногда мне кажется, что она могла бы разот-

кровенничаться с кем-то вне семьи. — Он снова колеблется, но Элин уже знает, что он хочет сказать. — Ты так и не допьешь вино?

Она медленно придвигает к себе тарелку, чтобы потянуть время.

— Вино?

— Разве Фарра не упоминала об этом, когда мы виделись в прошлый раз? О вашей встрече?

Элин кивает. Она знает, что следует приложить усилия, но никак не может себя заставить. Отношения с сестрой Уилла с самого начала были непростыми, Элин почувствовала себя неловко на первой же встрече за обедом, за пару месяцев до знакомства с родителями Уилла.

«Она тебе понравится, она любит спорт и веселая, прямо как ты», — сказал тогда Уилл, подбадривая ее, пока они ждали в кафе, но Элин помнит оценивающий взгляд Фарры и как она тут же поняла, что ей пытаются отправить сигнал: «Ты не годишься для моего брата».

С тех пор они с Фаррой предпочитали друг друга избегать. Придумали игру в обещания скорой встречи, которые никогда не выполнялись, потому что, как подозревала Элин, они обе не очень-то этого хотели.

— Я ей напишу, — наконец обещает Элин. — Договорюсь о встрече.

Наклонившись ближе, Уилл легко целует ее в губы.

— Можешь больше не притворяться, — улыбается он. — Я

знаю, что вы не очень дружите, но она, наверное, боится тебя больше, чем ты ее. Нужно давать людям шанс. Это как твоя стажировка. Попробуй. И посмотришь, как пойдет.

Элин кивает, глядя на него и внимательно рассматривая каждую черточку: веснушки, русые волосы, очки в черной оправе, слегка увеличивающие глаза. И ее захлестывает любовь.

Он прав. После возвращения к работе будет непросто, но она должна последовать его совету. Попробовать. И посмотреть, как пойдет.

– Ну как, нравится?

Джо с улыбкой показывает на главное здание в нескольких метрах от них.

Хана останавливается рядом с ней, еще с соком в руке, и вдыхает курортный запах сосен и цветов, нагретой на солнце земли.

– Красота.

Она поворачивается, рассматривая карамельно-розовые стены, плоские крыши и стекло. Все выглядит великолепно, но ее взгляд все равно притягивают морские просторы.

Потрясающий вид – сверкающие ленты невероятных цветов, ярко-синие и зеленые, в обрамлении сосен вокруг нее. Горизонт расплывается на жаре, похожий на гигантский котел, который вот-вот закипит.

– Справа ресторан, а слева – павильон для йоги и фитнес-зал.

Хана кивает. Так она и думала, глядя из лодки: общественная зона курорта построена на плато, так что можно наслаждаться видом, пребывая в иллюзии полной изолированности. Никакой земли, только вода, бесконечный простор синевы.

– Класс. – Сет обнимает Джо за плечи. – Ты сделала отличный выбор.

Лицо Калеба непроницаемо. Невозможно сказать, что он об этом думает – то ли ему безразлично, то ли он просто не из тех, кто радуется жизни.

– Думаю, в основном мы будем проводить время здесь. – Сет идет направо, к ресторану, громко хлопая шлепанцами по камням. – А еще точнее, в баре.

Хана следует за ним, внимательно осматривая все вокруг. Ресторан обрамлен большой террасой с баром, нависающей над утесом, откуда открывается сногшибательный вид на море.

Хотя время уже близится к обеду, персонал в белой униформе еще подает завтрак. Деревянная пергола с вьющимися растениями и цветами и большой навес в форме паруса защищают террасу от солнца. От колонны к колонне пробегают солнечные зайчики. По периметру терраса обставлена яркими горшками с кактусами.

С этой точки Хана видит веревочные качели – самое лучшее место курорта для снимков в Инстаграм¹. На них раскачивается человек, задевающий ногами воду.

Они разворачиваются и идут в другом направлении, огибая павильон для йоги, Хана замечает разбросанные внизу виллы, сливающиеся с густой листвой.

– До нашей еще нужно пройти, – говорит Джо, проследив за ее взглядом.

¹ Компания Meta, владелец Инстаграма и Фейсбука, на территории России признана экстремистской организацией.

– Далеко? Я...

Но она умолкает, пораженная нависающей над ними скалой.

Хана не ожидала, что ее форма будет иметь такое разительное сходство, ее ни с чем не спутаешь – это профиль Смерти с косой. Хана рассматривает изгиб капюшона, вытянутую руку и косу.

Ее взгляд останавливается на небольшом выступе на каменном лезвии.

Она отворачивается, ловит взгляд Сета. Тот поднимает глаза на скалу, а потом опять смотрит на нее, и на его губах играет улыбка.

Хана ежится, несмотря на солнце, согревающее голые плечи.

– В буклете говорится, что до пещер отсюда около десяти минут. – Сидящая на передней банке каяка Джо оборачивается, ее голос становится громче, отражаясь от воды. – Можно пройти их насквозь и выплыть через метров сто с другой стороны.

Она погружает весло в воду, и тонкий слой солнцезащитного крема подчеркивает контуры каждого мускула ее спины и плеч.

Плывущая в одиночном каяке примерно в метре от них Майя изображает ужас.

– И это весело? – произносит она одними губами.

Хана натужно смеется. Хотя грести на каяке нетрудно – он уверенно движется по спокойной воде, ее подташнивает, а на языке до сих пор кислотный привкус фруктового сока, который им дали по прибытии. Не стоило его пить перед физической нагрузкой. Да еще и жара, пот щекочет спину под спасжилетом.

По правде говоря, Хана предпочла бы вернуться на виллу, опустить ноги в бирюзовую воду бассейна, и чтобы рядом стоял стакан с ледяной водой. Фотографии не обманули, здесь очень красиво – белые стены, керамогранит медового цвета на полу, по углам тропические растения с огромными листьями. Атмосфера настоящего отпуска на мекси-

канской асьенде – мебель из ротанга, большие терракотовые вазы, узорчатые ковры ручной работы. На стенах картины в ржаво-красных, розовых и синих тонах.

Зачем было торопиться? Почему Джо просто не может наслаждаться мгновением?

Беа не стала бы так делать, раздраженно думает Хана. Она, как и Хана, задержалась бы на вилле, и вместе они изучили бы все эти крохотные штрихи – абстрактные картины в сочетании с выбеленными морем корягами на стенах, сюрреалистические нагромождения кактусов.

Хана пыталась сочинить какой-нибудь предлог, чтобы остаться, но ее просьбы проигнорировали. Вот здесь пригостила бы Беа. Она из тех немногих людей, которые могут поставить Джо на место.

– Эй, вы трое! Хватит болтать. Нужно прибавить темп, чтобы успеть вернуться к обеду, – окликает их Сет.

Они с Калемом вырвались вперед, тоже на двухместном каяке. Пара из них так себе – широкая, загорелая спина Сета резко контрастирует с узким торсом Калеба в сверкающе-синем спасжилете. Похоже, основная нагрузка ложится на Сета – гребки Калеба неточные, его весло скорее скользит по поверхности воды, чем погружается в нее.

Остров изгибается в сторону вилл, и вода темнеет, становится чернильно-синей, со дна поднимаются огромные канаты водорослей. Хана вздрагивает, чувствуя сопротивление, когда они обвивают лопасть весла.

Они проплывают мимо последней виллы, и спокойный пейзаж уступает место дикости – огромной стене деревьев, которые они видели, когда только прибыли. Сосны смешиваются с другими хвойными, дубами и колючим кустарником. Через несколько метров впереди резко вздымается склон утеса, образующий небольшую бухточку. В ней пусто – ни людей, ни лодок.

Джо подплывает ближе к утесу. Поднимает весло и укалывает на скалу:

– Уверена, что это то самое место. Точно как на фотографиях. А внутри есть изгиб вокруг острова.

Хана с опаской смотрит на маленькую известняковую арку, такую узкую, что едва пройдет каяк.

– Довольно узко. – Калёб кладет весло на колени. – Ты уверена, что это нужное место?

– Внутри там шире. Другие уже проходили насквозь... Мы поплывем первыми, да, Хана? Покажем мальчикам путь.

Хана слышит в голосе Джо вызов. В горле у нее по-прежнему стоит кисловатый привкус, она сглатывает его и кивает:

– Конечно.

Они медленно гребут к каменной арке. Калёб прав, проход такой узкий, что даже грести невозможно, приходится разогнаться и проплыть в пещеру по инерции. Хана напрягается, когда борта каяка с резким скрежетом царапают стену, но через несколько секунд они оказываются внутри.

И тут же погружаются в туманный сумрак. Низко нави-

сает известняковый потолок с каплями влаги. Камень зарос ракушками разных видов. Здесь чуть шире, можно грести с обоих бортов.

Джо оборачивается:

– Все в порядке?

– Да.

Голос Ханы отражается эхом от низкого потолка и стен. Дальше становится еще темнее, а вода почти черная. В воздухе пахнет плесенью, рыбой и затхлостью.

Впереди проход опять сужается.

– Ты уверена, что с другой стороны есть выход?

– Конечно. – Хана слышит в голосе сестры нетерпение. – Давай же. – Джо достает фонарик – тонкую трубку, подвешенную к шее на шнурке, включает его. Луч высвечивает изгиб стены метрах в двадцати впереди. – Видишь?

Страх Ханы сменяется внезапной эйфорией, ничего подобного она не чувствовала уже долгое время. После смерти Лиама такого рода приключений больше нет в ее жизни. Это он был любителем активного отдыха. А без него она «серфит» только на диване.

Водная протока наконец расширяется, и можно с легкостью грести с обеих сторон. Джо направляет фонарик вперед, узкий луч света скользит по воде. От этого она кажется словно затянутой туманом, призрачной сине-зеленой, на стенах пещеры тянутся длинные тени. На камне появляются невообразимые формы, неистовство красок и текстур.

Хана гребет вперед, разглядывая тени.

– Потрясающе, – говорит она, поворачиваясь.

Джо улыбается. Хана понимает, что в последние годы им не хватало именно этого, вот таких общих переживаний. Кофе, перекусов, настоящих совместных приключений. Фундамента для новых воспоминаний.

Она уже собирается все это высказать, но слышит тихое бормотание Джо. Хана с ужасом видит, как Джо обводит себя камерой, и Хана понимает, что улыбка, которая, как она считала, предназначалась ей, на самом деле адресована телефону. Семейный отдых – это неинтересно. Неужели поездка затевалась ради Инстаграма и ТикТока? Очередная самореклама?

– Нельзя ли хотя бы пять минут обойтись без гребаного телефона? Ты снимаешь каждое движение... Неужели тебе никогда не хотелось наслаждаться моментом, а не записывать его?

Джо с напряженным видом поворачивается:

– Бога ради, Хана, разуй глаза, мы здесь в том числе благодаря этому. – Она качает головой. – Вечно ты такая. Постоянно осуждаешь.

Видя обиду на лице сестры, Хана задумывается и сожалеет о своих словах. Быть может, она и правда судит слишком поспешно.

Однако она не успевает ответить, а выражение лица Джо уже смягчается.

– Но ты права, я отложу телефон. – В ее голосе больше нет раздражения. – Я забыла, как это воспринимают другие. Сет говорит то же самое. Я все понимаю, но иногда вот это... – Она кивает на телефон. – Иногда это проще, чем реальный мир.

Хана смотрит на нее с любопытством:

– В каком смысле?

– Порой я предпочитаю ту отредактированную версию жизни, которую выкладываю в Сеть. Никаких реальных проблем, запутанных отношений.

Хана улыбается:

– Хочешь сказать, что у нас запутанные отношения?..

– Немного, – ухмыляется Джо. – Все у нас немного не так, да? Я не перестаю размышлять, правильно ли это – пытаться насильно возродить то, чего больше нет. Ты, я и Майя. – Она колеблется. – А как у вас с Майей?

– Прекрасно, в смысле, мы по-прежнему иногда болтаем, но, не считая этого...

– Точно? Она ничего тебе не сказала?

– Насчет чего?

Что-то мелькает в глазах Джо, но потом она снова улыбается:

– Да так, просто.

Однако, когда они снова начинают грести, улыбка на ее лице выглядит как приклеенная. Слишком долгая, чтобы быть искренней.

Хана закрывает дверь туалета и пересекает ресторан, лавируя между столиками с посетителями. Вдыхает восхитительные ароматы – насыщенный дымный запах мяса и смоляную нотку сосен, растущих выше. Висящая под потолком крест-накрест гирлянда освещает полупустые бутылки с вином, блестящие лужицы оливкового масла и пышные лепешки хлеба.

Вид отсюда открывается сногсшибательный – суровая синева моря как будто срезана с неба, более мягкого и нежного. Зря она отвлеклась – на следующем шаге Хана спотыкается, лодыжка подгибается, когда сандалия ступает на неровный камень.

«Наверное, я слишком много выпила», – думает Хана, ощущая туман и легкое головокружение от спиртного. У нее сейчас самая приятная фаза опьянения: чувства обострились, и теплый воздух кажется жидким, когда ласкает кожу. Он точно жидкий, думает она, присмотревшись внимательно, а потом понимает, что от жара гриля воздух перед ней колеблется и дрожит.

Несмотря на это, она ясно видит человека, стоящего слева от гриля. Это Сет. Он болтает с официанткой, запрокинув голову в смехе. Сет в своем репертуаре, его жажда очаровывать и флиртовать распространяется и на официанток,

на всех вокруг.

Хана не знает, приведет ли это к чему-то большему, но, скорее всего, нет. Она высматривает Джо – неизменно с телефоном в руке, та разговаривает с Калебом.

Сегодня вечером она ослепительна. Несколько порций спиртного – и ее лицо расслабилось, стало открытым, черное платье из английского кружева подчеркивает выгоревшие на солнце волосы и загар.

Ее мать была наполовину шведкой, и Джо унаследовала большинство типичных скандинавских генов – голубые глаза, белокурые волосы, а также материнскую любовь к эклектике в одежде. На ее плечи накинут яркий шарф с пятнами зеленого и розового. Для Ханы это было бы чересчур, но Джо, как ни странно, шарф идет. Не затмевает ее.

– Долго ты пропадала, – улыбается Майя. – Я уже хотела отправить поисковый отряд.

– Я...

Но Хане не удастся закончить фразу. Джо поднимает телефон и снова запускает видеоролик. Сестра сняла ее, когда Хана споткнулась. Джо каким-то образом сделала замедленную съемку, и кадр за кадром воспроизводится паника Ханы – широко открытые глаза и рот.

Лицо Джо расплывается в широкой улыбке. Вернувшийся за столик Сет тоже улыбается.

– Прости, – смеется Джо, и зеленые полумесяцы ее деревянных сережек слегка постукивают по щекам. – Я выбирала

место для съемки ресторана и...

Она снова хохочет. Хана смотрит на нее, и все чувства внезапно и болезненно обостряются.

– Ты же не собираешься это выкладывать?

Ее щеки заливает румянец.

– Нет, конечно. – Джо протягивает руку через стол. – О боже, ты ведь не расстроилась? Я просто пошутила.

Хана невольно отодвигается от ее руки, ничего не может с собой поделать.

– Пошутила...

Но она умолкает, заметив предупреждающий взгляд Майи. «Не реагируй». Хана кивает ей. Майя права. Ей же будет хуже, если она огрызнется в ответ.

В такие минуты ей больше всего хочется, чтобы здесь был Лиам. Он бы сжал ее ладонь под столом и сменил тему. Он всегда умел посочувствовать, успокоить. Когда они познакомились на вечеринке на дне рождения, Хана заметила это первым делом.

Высокий, темноволосый, мускулистый – она немедленно выделила его, но когда он заговорил, удивилась, насколько он застенчив, лишен самоуверенности, которую предполагает такая привлекательная внешность.

Позже тем вечером они оказались у костра на заднем дворе. Она с восхищением смотрела, как Лиам вступился за коллегу, которую расспрашивали, почему у нее еще нет детей. Хану тронула его реакция, и в конце концов они разговари-

лись. Так раскованно можно болтать только в нетрезвом виде и с незнакомцем, которого точно никогда больше не увидишь.

После того вечера Хана была уверена в двух вещах: она хочет снова с ним встретиться и, если это произойдет, придется освоить горный велосипед. Как минимум половину времени Лиам говорил о своей страсти – велосипедах. Хана улыбается, но потом вспоминает, что должна гнать эти мысли как незваного гостя.

– Я тебя понимаю, – говорит Калев, глядя на Хану. – Иногда мне хочется отмотать назад двадцать лет, чтобы поужинать, как в старые добрые времена.

– Ты о чем?

Джо подвигает стул ближе.

– Да обо всех этих видео. Иногда они достают, – пожимает плечами Калев.

Джо устало качает головой:

– Мне знаком этот взгляд. Ты считаешь, это ниже своего достоинства, верно? Беа думает так же.

Он хмурится:

– В каком смысле?

– Я видела посты Беа в соцсетях. Вся эта псевдоинтеллектуальная чушь про сериалы и книги. Раньше Беа такой не была. Она всегда говорила, что если ты и правда интеллектуал, то не будешь вбивать людям в глотки, что ты читал или смотрел, как будто это какая-то вонючая медаль, доказыва-

ющая твой ум.

Калёб замирает, сжав губы в тонкую линию. Джо задела его за живое. Он меняет тему:

– А знаете, я читал про это место перед отъездом, думал, много шума из ничего, но когда увидел скалу вблизи... – Он наклоняет голову, чтобы заглянуть Хане за спину. – Эффектно, ничего не скажешь.

Сет кивает:

– И наводит на мысль, что в местных байках есть доля правды.

– Что за байки? – Калёб передразнивает серьезный тон Сета.

– Что остров проклят, помимо всего прочего. Неудивительно, учитывая, что происходило здесь многие годы.

– Что, например?

– Чума, сгоревшая школа... Кричер... Не думаю, что нужно еще что-то добавлять.

– Точно, не нужно, – вмешивается Майя. – История интересная, но не способствует отпускному настроению.

– Кстати, об отпускном настроении. Хочу заказать еще один коктейль. – Джо берет винную карту и читает вслух: – «Закат моряка. Бакарди оро, дипломатико, ангостура, ананас, апельсин».

– Беа это понравилось бы, – говорит Калёб, подзывая официанта. – У нее как раз сейчас коктейльный период. Она даже купила домой шейкер...

– Жаль, что Беа не приехала, – бормочет Хана, когда через несколько минут приносят напитки. Она отпивает из своего бокала. Коктейль крепкий, с большим количеством рома. – Без нее совсем не то.

– Ну, тогда давайте за нее выпьем. – Джо поднимает свой бокал, и яркая жидкость искрится на свету. – За Беа.

Бокал не поднимает только Майя.

Хана бросает на нее взгляд и потрясенно видит, что Майя смахивает слезы.

– Что случилось?

– Нам не хватает не только Беа, – говорит она. – София тоже должна быть здесь.

– Боже мой, ну конечно.

Хана сжимает руку Майи, мысленно ругая себя.

– Просто иногда мне приходит в голову, что она столько всего пропустила.

Майя вытирает глаза.

Джо снова поднимает бокал:

– За отсутствующих друзей...

Несмотря на сочувственное выражение лица, в ее тоне сквозит легкое пренебрежение.

Они пьют молча, после чего первой снова говорит Джо:

– Может, прогуляемся по пляжу?

А потом бросает фразу о том, не слишком ли они стары, чтобы искупаться голышом.

Разговор быстро возвращается к прежним шутливым, лег-

комысленным интонациям, но, судя по всему, поведение Майи беспокоило Джо.

Майя как будто внесла какой-то изъян в превосходный вечер, который запланировала Джо, – бросила камень в идеально гладкое озеро.

День второй

Майкл Циммерман идет по ресторану с тряпкой и чистящим средством в руке.

Он окидывает взглядом пустые стулья, светло-серый каменный пол, гирлянды лампочек, в каждой из которых отражается крохотное сияющее солнце. Ему нравится время дня, когда постояльцы еще не проснулись. В такую рань солнце, едва открыв над горизонтом свой глаз с нависшим веком, не хочет встречаться с тобой взглядом.

К тому же это легкая смена. Накануне ночью все уже как следует вычистили. Ему осталось лишь навести финальный лоск в тех местах, которые пропустила ночная смена, — убрать засунутую в угол бутылку, закрыть капающий кран с пивом, оттереть жирные пятна от пальцев с балюстрады.

А больше он уже ни для чего и не пригоден, думает Майкл, почувствовав, как вступило в поясницу. Его дни тяжелой физической работы уже в прошлом, организм изношен от многолетнего преподавания физкультуры и игры в регби по выходным. Пора было перевести дух, но он пока не хотел окончательно уходить на пенсию, и эта работа стала идеальным промежуточным этапом.

Приличная компания, чтобы не вляпаться в неприятности, как сказала бы жена, и это правда. Одиночество ничего

хорошего не сулит. Слишком много времени для размышлений.

Майкл в последний раз проводит тряпкой по балюстраде, надавливая кончиками пальцев на ткань, чтобы лучше оттереть сальные следы, а потом идет в павильон для йоги.

Еще не доходя до входа, он замечает на траве за стеклянной балюстрадой перед павильоном какой-то обрывок ткани.

Ткань с ярким узором его беспокоит – вряд ли ее могла пропустить ночная смена уборщиков.

Майкл медленно подходит и перевешивается через балюстраду, чтобы достать странный предмет, но, когда хватает рукой скользкую ткань, его внимание привлекает что-то на камнях внизу.

Он вздрагивает. Наверняка просто разыгралось воображение.

Но, взглядевшись пристальнее, он понимает, что ему не помешало.

Майкла бьет дрожь. Его пальцы выпускают шарф, и тот падает обратно на землю.

Он отворачивается, и его рвет. С каждым спазмом комки мюсли, которыми кормят персонал каждое утро, все сильнее забрызгивают светлый каменный пол.

Элин садится за рабочий стол, ее бедра по-прежнему ноют после пробежки. Ей нравится офис ранним утром – тишина и цитрусовый аромат чистящего средства, сероватый свет, лежащий на пыльные компьютерные мониторы. Крохотные детали, которые она замечает только в это время, когда мозг еще свеж, не загружен суматохой дня.

В этом расследовании пригодится любая помощь; это жизненная искра, которой ей до сих пор не хватало. Вчера произошла еще одна кража со взломом, последняя в череде подобных преступлений: воры унесли ювелирные украшения и технику на несколько тысяч фунтов, не так уж и много. За последние несколько недель Элин расширила сеть. В попытке найти свидетелей или видеозаписи полиция обратилась в прессу, но тщетно. Криминологическая экспертиза тоже ничего не показала.

Это на нее давит. Если она не сумеет продвинуться в таком деле, то вряд ли ее сочтут пригодной для возвращения в убойный отдел.

Элин перебирает показания свидетелей. Банда, а она уверена, что это организованная группа, учитывая объем преступлений, действует профессионально – находит жертв без охранной сигнализации или камер в доме и поблизости.

– Доброе утро.

Она поднимает голову. Стид. Он дружелюбно улыбается и скидывает рюкзак на пол. От него исходит жар, под мышками расплылись пятна пота.

– Господи, ну и жара в такую рань. Я собирался приехать на велосипеде, но передумал.

Он вытаскивает из бокового кармана сумки протеиновый коктейль и открывает крышку.

– К полудню поднимется выше тридцати.

Элин нравится болтать со Стидом, она благодарна, что он не упомянул о встрече с ней на пляже. Он очень деликатен. Элин убедилась в этом за время совместной работы – Стид знает, когда стоит промолчать.

– Что у нас сегодня?

Стид отпивает коктейль.

– Ночью было еще одно ограбление. Нужно очень внимательно проверить все камеры наблюдения в радиусе километра от места происшествия. Поблизости есть пара ресторанов, а с другой стороны – яхт-клуб. Может, там что-нибудь раздобудем. Погоди-ка...

Она замолкает, заметив, что на телефоне высветилось имя Анны.

Вспоминая их последний разговор, она нервно вздрагивает. Но Анна не упоминает о вчерашнем дне. В ее голосе звучит нетерпение:

– Нам сообщили, что на скалах острова Кэри, на курорте, найдено тело.

– В «Люмен»?

У нее перехватывает горло от совпадения. Награда Уилла.

– Да. Ты не могла бы туда съездить и разузнать подробнее? Ты ближе всех. «Скорая» и криминалисты встретят тебя на пристани в Баббакомбе. Оттуда вас заберет полицейский катер.

«Ты ближе всех». Звучит логично, но Элин знает, что Анна посылает ее не просто из-за близкого расстояния. Это голос в ее пользу, вера в ее способности. После вчерашнего спора.

Но в голове теснятся сомнения, накопившиеся за последние недели. А если она не справится? Элин быстро подавляет эту мысль. Она сможет. Она готова.

– Конечно. Соберу вещи и еду.

Прощаясь, она замечает, что Сид прислушивается к разговору.

– Что-то случилось?

– На острове Кэри обнаружено тело. Хочешь поехать?

– Конечно.

Он выпрямляется и тут же пытается скрыть волнение, копаясь в телефоне.

Однако когда Элин начинает методично собирать все необходимое, от пакетов для улики до перчаток, ее тоже охватывает нервное предвкушение.

Несмотря на связь Уилла с «Люмен», она никогда не бывала на острове. Ей никогда и не хотелось туда поехать, как

и любому местному жителю. Уж больно неприятным было прошлое острова.

Полицейский катер сбавляет скорость, мотор стихает до гортанного рыка. Они приближаются к причалу.

Эксперты-криминалисты, Леон и Рейчел, и два парамедика восхищенно рассматривают курорт, но, когда катер останавливается, Элин чувствует только бесконечный ужас.

Она видела остров на фотографиях, но в жизни все по-другому. В нем есть что-то дикое, первозданное и бескомпромиссное. Хотя она пытается сосредоточиться на творении Уилла, природа все равно доминирует, притягивает взгляд: лесная чаща, нависающие утесы, порхающие в тени крон птицы и скала.

Жнец.

Накатывают воспоминания. Бегущая строка образов: полицейские катера, поисковый отряд обшаривает лес, мутная фотография одутловатого лица Ларсона Кричера во всех новостях, его растрепанные волосы, облепившие плечи.

Девушка из группы медиков поворачивается, прерывая воспоминания Элин, и выбирается из лодки с сумкой в руке.

– Готовы?

Элин рассеянно кивает. Кто-то идет к ним и машет рукой. Фарра.

Леон с любопытством смотрит на Элин:

– Ты ее знаешь?

– Она администратор курорта. Сестра Уилла.

– А это не поставит нас в неудобное положение? – спрашивает Рейчел, отбрасывая темные кудри с лица.

– Нет.

Элин не обижена на ее прямоту. Именно по этой причине Рейчел так хорошо справляется со своей работой. И еще из-за неистощимой способности трудиться сверхурочно.

Фарра останавливается, чтобы направить медиков к телу. Дойдя до причала, она приветствует Элин:

– Не знала, что пришлют тебя.

Элин кивает, но вместо ответа представляет остальных:

– Это констебль Сид, а это эксперты-криминалисты.

Фарра указывает на медиков, перебирающихся слева по скалам:

– Я объяснила им, где она, но не знаю, возможно ли, что она еще... – Она обрывает фразу. – Наш спасатель сказал, что все понял с первого взгляда.

– Парамедикам все равно нужно проверить.

– Конечно. – Фарра мимолетно хмурится и вопрошающе поднимает бровь. Так и прежде бывало. Складывается впечатление, что Фарра не воспринимает ее всерьез. – Я вас проведу.

– Ты знаешь, кто она? – спрашивает Элин, когда все следуют за Фаррой.

– Нет, она не из персонала, и до сих пор никто не заявил о пропаже постояльца, но еще рано. Многие еще не просну-

лись.

– Откуда именно она упала?

– Из павильона для йоги.

Фарра указывает на деревянное здание на вершине голого утеса, нависающее над их головами. Элин видит стеклянную балюстраду, огибающую фасад павильона, – это единственная преграда, отделяющая его от скал внизу.

– Она упала через балюстраду?

– Да.

– Какая у нее высота? – спрашивает Сид.

– Мне где-то по пояс. – Фарра качает головой. – Я пока не знаю точно, как такое могло произойти.

Но Элин знает, что можно упасть через балюстраду почти любой высоты. Она видела пару кошмарных падений с балкона – одного в жилом здании, а второго в отеле. В обоих случаях жертвы крепко выпили, но сейчас она не знает, пила ли эта женщина. Пока что.

Фарре, похоже, с трудом удастся смотреть на скалы.

– Ее нашел Майкл, наш уборщик. Он сказал, что заметил шарф по ту сторону балюстрады. Может, она наклонилась, чтобы достать его, и потеряла равновесие.

– Возможно, но пока мы не узнаем больше, нужно рассматривать все варианты.

Золотое правило при смерти по неизвестной причине – воспринимай все с подозрением, пока не доказано обратное.

– А где сейчас Майкл?

– В павильоне для йоги. Полицейский по телефону сказал, чтобы он оставался там и никого не подпускал. Мы огородили место веревкой и поставили снаружи человека, как он и велел.

– Хорошо. – Элин быстро соображает на ходу. Придется разделять и властвовать, то есть разделить Рейчел и Леона, чтобы они осмотрели оба места происшествия одновременно. – Леон, можешь пойти в павильон вместе с Фаррой и начать там? А мы со Стидом пойдем с Рейчел.

– Конечно. Мы за тобой.

Элин и Сид карабкаются вслед за Рейчел по скалам у подножия утесов. Мелкие и плоские камни перемежаются огромными валунами, громоздящимися друг на друга в том месте, где когда-то обвалилась часть утеса. Тут же вспотев, Элин вытирает лоб тыльной стороной ладони. Обогнув утес, она видит бригаду «Скорой», наклонившуюся над телом. Медики тихо переговариваются.

На камнях распростерлась стройная белокурая женщина лет тридцати. Она в черном платье, одна рука заведена назад под неестественным углом. Половина головы, лежащая на камне, практически отсутствует, череп раздробился при ударе. На бледно-сером камне под головой видны брызги мозгового вещества, белые осколки костей и темная лужица крови.

Элин нервно сглатывает. Иногда место преступления бывает таким жутким, что невозможно подготовиться, вот как сейчас. Она знает, что долго будет помнить это зрелище, даже когда дело будет закрыто.

– При падении с такой высоты у нее не было ни единого шанса, – говорит Сид.

– Она мертва, – говорит парамедик Джон – тот, что постарше, высокий и грузный. Он поворачивает запястье. – Фиксируем смерть в семь тридцать три утра. – Глядя на

Элин, он снимает перчатку. – Она уже окоченела. Очевидно, массивная травма головы, множественные повреждения позвоночника и таза. Характер поверхностных ран подтверждает гипотезу о падении с такой высоты.

Элин смотрит наверх, на зубчатые края утеса, и от ужаса у нее кружится голова. Она невольно представляет, как падала женщина, переворачиваясь в воздухе, как громко хрустнул череп, разбившись о камни. Снова глядя на тело, Элин рассматривает ее лицо.

Глаза закрыты, правый залит кровью. Пухлые губы открыты и оттянуты вниз.

Взгляд Элин скользит ниже, к черному платью и обуви. Одна сандалия с тесемками наполовину сползла, так что виден идеальный чернильно-синий педикюр. Элин хочется запомнить эту деталь – единственную нетронутую часть женщины.

– Документы у нее есть?

– Нет, и я не вижу сумочки или телефона. Либо при ней их не было, либо они утеряны при падении. – Джон откашливается. – Наверное, мы вернемся обратно, а катер оставим вам, если не возражаете.

Его слова побуждают Элин к действию. Она достает из сумки все необходимое – специальные костюмы, бахилы и перчатки – и передает один набор Стиду.

– Я начну? – спрашивает Рейчел, поднимая капюшон своего спецкостюма.

Элин кивает. Они одеваются, и в тишине шорох костюмов кажется еще громче. Они ждут, пока Рейчел сфотографирует тело и лужицу крови вокруг головы.

Через несколько минут Рейчел откладывает камеру и осматривает маленькие карманы по бокам платья женщины. Они пусты.

– Окоченение?

Рейчел размышляет:

– Я бы сказала, что еще не окончательное. Она лежит здесь больше нескольких часов, но меньше двенадцати.

Это дает Элин первую зацепку – женщина, скорее всего, упала поздно ночью.

– Можно ее перевернуть? Поискать другие раны?

В особенности Элин интересуют следы нападения – пулевые ранения, ножевые порезы.

Стид осторожно обходит тело, пока не оказывается точно напротив Рейчел. На счет три они переворачивают труп. Рейчел осматривает ее спину и ноги.

– Ничего. Не вижу никаких ссадин, не считая поврежденных при падении, царапин на руках. Ничего похожего на ссадины при самообороне, нет ни синяков, ни признаков, что ей связывали запястья. Ногти на руках чистые.

Элин кивает. Судя по словам Рейчел, это просто случайное падение, но нельзя исключать вероятность, что ее столкнули. Тщательно рассчитанный толчок сзади может привести к тому же результату, и явных следов обороны не будет.

Пока Рейчел снова берет камеру, Элин поворачивается к Стиду:

– Давай огородим зону лентой. Установи коридор для доступа, как обычно, и заведи журнал осмотра места происшествия. Трудно представить, что кто-нибудь будет здесь слоняться, но просто на всякий случай. Если ты не возражаешь заняться ограждением, я пока введу в курс дела Анну, а потом узнаю, что там у Леона.

– Разумно.

Стид делает шаг вперед, лицо у него пылает.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спрашивает она.

– Нормально. – Он откашливается. – Просто... недавно нечто похожее случилось с одним родственником... Нахлынули воспоминания.

Элин пытается его приободрить, но, судя по тому, как он быстро моргает, он никак не может отделаться от воспоминаний. Элин хочется утешить его, но знает, стоит дать волю эмоциям – и она потеряет сосредоточенность, которой с таким трудом добилась.

– Ладно, – в конце концов говорит она и кивает. – Я тебя оставлю.

Она снимает спецодежду и карабкается по скалам обратно, но через несколько метров от места происшествия останавливается, ослепленная внезапной вспышкой света с утеса. Когда она поднимает голову, все уже пропало, но стоит ей двинуться дальше, как блик снова появляется – туманное

полукруглое сияние мерцает прямо перед глазами каждый раз, когда она моргает.

Эти ощущения пропадают не сразу, но и когда они полностью исчезают, Элин все равно немного не по себе.

Она чувствует в острове нечто недоброе – странную неподвижность, которая кажется неестественной, зловещей.

Хана просыпается в поту, простыни завернуты узлом вокруг нее.

Голова раскалывается, комната кружится вокруг своей оси. Стоит только Хане сесть, как ротанговое кресло в углу и монстера рядом с ним растягиваются и удлиняются у нее на глазах.

От этих ощущений она теряет ориентацию, испытывает беспокойство, и на мгновение снова возвращается в те наполненные паникой дни после смерти Лиама. Это было двойное горе – потеря Лиама и потеря их надежд завести семью, которые рассыпались, едва они заложили первые камни фундамента. За несколько месяцев до несчастного случая они сделали первые робкие шаги в сторону ЭКО.

Хана погружается в воспоминания.

Почему они не начали раньше? Почему ничего не предприняли, вместо того чтобы просто обсуждать? Тогда у нее хотя бы осталось что-то от Лиама. То, за что можно держаться, когда все вокруг рушится.

На нее снова накатывает тошнота.

Перекинув ноги с кровати, Хана идет к раковине в ванной и наполняет стакан водой. Потом достает прозрачную косметичку на молнии, набитую разными лекарствами. Наверное, она пошла в мать, думает Хана, выдавливая две таблетки из

упаковки парацетамола. Всегда подготовлена к чему угодно.

Закинув их в рот, она делает большой глоток воды, а затем жадно пьет, как бывает только с похмелья.

Телефон лежит на столике у кровати. Хана берет его и идет к окну.

Перед ней идеальный квадрат лета: синее небо, деревья, канареечно-желтый изгиб гамака, натянутого на террасе.

Хана делает снимок и листает фотографии вчерашнего вечера. Первая вызывает улыбку. На ней улыбающаяся компания, снятая на пляже, стоит спиной к воде. Лица не в фокусе, фотограф (Кaleb) явно двигался, когда снимал.

После ужина она отправились на пляж, как и предлагала Джо. Купаться в итоге никто не стал, но они помочили ноги в воде и обсудили все мировые проблемы. Разговор Ханы с Калемом, когда они уселись на камнях на краю пляжа, получился до боли напряженным – он говорили о его работе и экологической политике. В какой-то момент Джо и Сет устроили пьяную перебранку, которая затихла так же быстро, как и началась.

В конце концов они позвонили Беа, попав на автоответчик, после чего отправили ей этот групповой снимок. Хана улыбается, представляя ухмылку Беа, когда та увидит их загорелые, залитые лунным светом лица. Что они там написали под фото? Что-то глупое и сентиментальное: «Жаль, что тебя нет с нами». Кaleb отправлял ей по телефону поцелуи...

И сообщение в ответ: «Ребята... я вас люблю, но у меня встреча по работе. Скоро поговорим».

Хана воображает Беа на встрече – строгая и деловая, говорящая правильные фразы нужным тоном. Именно такой она представляет Беа версии 2.0: умная, в дорогой одежде и неброских украшениях, светлые волосы убраны с лица. Со всем не похожа на неуверенную любительницу книг, ненавидящую наряжаться, рядом с которой она росла.

Она продолжает листать фотографии. Кaleb сделал несколько групповых снимков с одного ракурса, но, когда Хана доходит до последнего, ее охватывает беспокойство. Кaleb явно снимал в тот момент, когда они уже начали разбредаться, улыбки стали натужными. «Больше не могу», – со смехом сказал тогда Сет.

Хана еще улыбается, но Джо уже отвернулась. Она смотрит на Хану, явно не осознавая, что в это время ее снимают. Хана подсказывает – на лице Джо застыла странная маска, что-то недоброе.

Хана не может понять, что это. Страх? Ненависть?

Ее мысли уносятся к записке, выпавшей из сумки Джо. Может, в ней есть нечто большее, чем она считала.

Она подходит к своей сумке и копается в боковом кармане, куда сунула записку еще на пристани. Тщательно разгладив ее пальцами, Хана снова смотрит на слова.

Хана!

Прости. Прости. Прости.

Внутри у нее все сжимается. Ей хочется немедленно постучаться в дверь Джо и спросить, что это значит, но вместе с тем это ее страшит, ведь она знает, какую бурную сцену это вызовет.

Успокойся и двигайся дальше.

Вот и все, что ей сейчас нужно. Провести вместе всего неделю и вернуться к эпизодическому общению. Теперь она уже взрослая и может решить, как часто встречаться с сестрой, какие отношения с ней установить. Это один из немногих хороших результатов случившегося. За последние несколько месяцев, когда все отделились от нее, оставили наедине со своим горем, Хана поняла, что если сумеет перенести смерть Лиама, то перенесет что угодно.

Она сильнее, чем считала.

Элин добирается до верхних ступеней лестницы с пляжа. Уже почти восемь утра.

Курорт просыпается. Персонал в белых рубашках суетится в ресторане, к пляжу идет группа любителей поплавать спозаранку. Некоторые постояльцы явно заметили, что происходит нечто необычное. С напускным безразличием они слоняются у павильона для йоги, стараясь не показывать, что пялятся, но все равно это делают.

Элин уже собирается натянуть спецкостюм и бахилы, но замечает приближающуюся Фарру.

– Я так понимаю, она точно...

Элин кивает:

– И думаю, уже довольно долго.

Фарра прикусывает губы, но потом берет себя в руки и машет в сторону ресторана:

– Майкл – тот человек, который ее нашел, – ждет там. Если хочешь с ним поговорить...

– Конечно. Дай мне две минуты. Мне нужно... – Она кивает на Леона.

– Разумеется. Подходи, когда освободишься.

Надев костюм и бахилы, Элин ныряет под ленту ограждения. Леон присел у балюстрады и наносит на стекло порошок.

– Все нормально?

– Да.

Он кивает на лужицу рвоты неподалеку.

– Не считая профессионального риска.

– Это тот парень, который ее нашел?

– Ага.

Заглянув по другую сторону балюстрады, Элин быстро выпрямляется. Как бы страшно ни было смотреть наверх, смотреть вниз еще хуже – это резкий визуальный нырок к зубьям скал внизу. С такого ракурса тело распростершейся в неестественной позе женщины снова ужасает.

– Что думаешь насчет высоты балюстрады?

Леон продолжает наносить порошок на стекло.

– Определенно, достаточно низкая, чтобы можно было упасть случайно. Учитывая расположение павильона, я бы сделал ограду повыше.

– Есть что-нибудь на стекле?

– Да. Необычный узор отпечатков с обратной стороны – пальцы и ладонь. Судя по словам того парня, уверен, что это ее. Очевидно, стекло чистят каждую ночь, а он утром протирает то, что осталось. Все указывает на то, что она полетела лицом вниз, а затем перевернулась, как будто пыталась ухватиться, но не удержалась.

Элин наклоняется ближе к балюстраде. Серебристый порошок для отпечатков подчеркивает покрывающие стекло следы – смазанные отпечатки пальцев и фрагменты ладони,

но Элин понимает, что это ничего не доказывает. Отпечатки могли появиться и в результате случайного падения, и после толчка.

– Она что-нибудь уронила?

Он качает головой:

– Я наскоро поискал, но, не считая шарфа, ничего.

Леон кивает на упакованный в пакет кусок ткани:

– Где именно он лежал?

– На траве с той стороны балюстрады, но, думаю, он мог с такой же вероятностью слететь с девушки, когда она падала.

Элин осматривает шарф в пакете. Он с ярким узором – современный абстрактный рисунок со смелыми брызгами розового и зеленого.

– Больше ничего не нашел?

– Только вот это... – Он указывает сквозь балюстраду. – Участок травы примят. Похоже, там лежало что-то тяжелое.

– Тяжелее шарфа?

– Да, и в любом случае вмятина в другом месте, чуть дальше, чем лежал шарф. В отсутствие ветра или дождя трава не расправилась. Не могу с уверенностью сказать, что след появился этой ночью, но за несколько дней трава уже восстановилась бы.

– Есть предположения?

– Ну, это что-то маленькое и квадратное. Может быть, она что-то выронила при падении. А это что-то отлетело в сторону.

– Пришлю Рейчел, чтобы она посмотрела. – Элин колеблется: – Ладно, продолжай дальше сам. Пойду поговорю с человеком, который ее обнаружил.

Стягивая спецкостюм и бахилы, Элин замечает, что зевак стало больше и персонал даже отгоняет их от ресторана. Она обходит их сзади и идет к Фарре, сидящей рядом с пожилым человеком. Они тихо переговариваются.

Фарра поднимает взгляд:

– Элин, это Майкл Циммерман. Я сказала ему, что ты хочешь с ним побеседовать.

Майкл робко улыбается. Внимание Элин привлекают его поразительные глаза с тяжелыми веками, их бледно-голубой цвет похож на небо, еще не успевшее стать более насыщенным. Мужчине хорошо за шестьдесят, и, судя по глубоким морщинам на его лице и неухоженной бороде, это бывший серфер, родившийся и всю жизнь проводивший на побережье. Уилл назвал бы его морским волком.

Сев напротив, Элин вытаскивает блокнот.

– Майкл, я понимаю, это непросто, но надеюсь, вы расскажете о том, что случилось утром. Начнем с того, где вы находились до того, как ее нашли.

Он кивает, поднимает лежащую на столе рядом с ним кепку, словно хочет надеть, а потом снова кладет. Козырек выгорел на солнце, на нем следы соли.

– Я встал около пяти утра, как обычно, у меня была ранняя смена. Я занимаюсь окончательной проверкой всех об-

щественных зон, смотрю, везде ли чисто. Невозможно гарантировать, что ночная смена ничего не пропустила или что гости не гуляли всю ночь и не насорили...

Он поднимает голову, пытаясь поймать взгляд Фарры в подтверждение, что от постояльцев можно ожидать чего угодно, но она смотрит в телефон.

– В котором часу это было?

– Сразу после шести. Я закончил уборку в ресторане и подошел к павильону для йоги. Я поднимался по лестнице, когда заметил какую-то ткань с другой стороны балюстрады. Яркая, не пропустишь.

Майкл снова берет в руку кепку, теребит ее пальцами. Этот жест кажется Элин странно знакомым, словно она уже видела, как это делает Майкл или кто-то другой.

– Продолжайте, – мягко говорит она.

– Я подошел ближе, чтобы подобрать этот предмет, и тут... – Он облизывает губы. – Тогда-то я ее и увидел – там, на скалах. Я сразу понял, что она... – Он на секунду умолкает. – Меня стошнило, вы, наверное, видели, но как только я взял себя в руки, то сразу позвонил 999, а потом Фарре.

– А во время смены вы больше не заметили ничего необычного? Подозрительного? Никто не бродил там, где не должен?

– Во время смены нет, но...

Фарра вскидывает голову и бросает взгляд на него.

Майкл ерзает на стуле.

– Скорее всего, это не имеет отношения к делу, но на прошлой неделе ночью случилось нечто странное. Я проснулся по нужде, так бывает в моем возрасте. А когда ложился обратно в постель, то увидел, как кто-то бродит у скалы. Мне показалось это странным, в такое-то время.

– Вы это видели из помещения для персонала?

Он кивает.

– В котором часу это было, если поточнее?

– Часа в четыре или немного позже. У этого человека был фонарик, и он светил на скалу, как будто что-то искал.

– Наверное, это был кто-то из гостей, – небрежно говорит Фарра, поворачиваясь к Элин. – Некоторые фотографируют скалу по ночам. Понятия не имею зачем, когда едва можно что-либо разглядеть.

Майкл издает невеселый смешок:

– В таком месте я уже ничему не удивляюсь.

Элин чувствует мурашки по коже.

– Что это значит?

– Этот остров не может похвастаться блестящей репутацией, правда? Поймите меня правильно, конечно, здесь все изменили, но все равно что-то чувствуется, в особенности рано утром, когда вокруг ни души.

– Что именно чувствуется?

Элин наклоняется вперед. Ей не по себе.

– Что-то... недоброе. – Он нервно сглатывает. – Один постоялец несколько недель назад сказал то же самое.

– Правда?

Ей стоит усилий говорить ровным тоном.

– Да. Художник, который создал гобелен, висящий у стойки администратора, рассказал, что он ходил в старую школу – ту, которая сгорела. А потом приехал посмотреть на свой гобелен и узнать, как тут все, – продолжает Майкл. – Ему понравилось, но он сказал... – Он умолкает, на мгновение застыв в размышлениях. – Сказал, что до сих пор это ощущает, – наконец произносит он. – Зло.

Фарра качает головой, отмечая эту мелодраму, но, когда Элин благодарит Майкла, закрывая блокнот, ей не удается с той же легкостью отмахнуться от его слов. Чем дольше она тут находится, тем сильнее ощущает присутствие какой-то темной силы, стоящей за всеми этими историями.

Нечто, присущее самому острову.

– Позже нам понадобится официальное заявление, но пока это все. Еще раз спасибо.

Забирая сумку, Элин замечает идущего к ним мужчину. Он останавливается рядом с Фаррой и шепчет ей что-то на ухо.

Фарра поворачивается:

– Это Джастин Мэтьюз, глава службы безопасности. Он нашел записи с камеры у павильона. Я точно не знала, есть ли там что-то поблизости, но как оказалось, есть.

Уже хорошо.

– Можно посмотреть прямо сейчас?

– Конечно.

Но стоит ей сделать несколько шагов, и она слышит шорох гравия.

Кто-то тянет ее за руку. Элин разворачивается и видит за спиной Майкла, стоящего слишком близко.

Он крепче сжимает ее руку.

– То, что я вам сказал... – бормочет он. – Все это правда. Человек, который мне это рассказал, был прав. Есть в этом месте какое-то зло. Будьте осторожны.

Уже одевшись и умывшись, Хана зачесывает волосы в хвост, который вечно растрепывается, потому что волосы слишком короткие. Лиам называл их «пушком», ероша кончики. Хорошая попытка, Хана, только неудачная.

Она переделывает хвост, сует ноги в сандалии и идет в коридор. В комнату из гостиной просачивается аромат кофе, горький и терпкий.

Джо. Она ранняя пташка. Наверняка она там, варит кофе. Веди себя как ни в чем не бывало, говорит себе Хана, надевая на лицо улыбку. Не реагируй.

Но это оказывается не Джо, а Майя. Она сидит в плетеном кресле на солнце, завязав кудри зеленым шарфом.

Она с улыбкой поднимает взгляд:

– Ты опоздала к кофе...

– Ничего страшного, сделаю еще одну чашку. – Хана смотрит на открытую книгу, лежащую у Майи на коленях: – Что это у тебя?

– Рисую. – Теперь Хана понимает, что это блокнот для набросков. – Не могла заснуть. Когда выпью, вечно одно и то же. Просыпаюсь посреди ночи и больше не могу заснуть.

– Понимаю, о чем ты, я тоже плохо спала. Мне кажется, затея с пляжем была лишней. – Она на мгновение умолкает. – Ты слышала, как Джо и Сет ссорились?

– Немного. Ему вроде звонила какая-то подруга. – Майя качает головой. – Не знаю, чему Джо так удивилась, он же всегда таким был. Куча «друзей» женского пола.

Она показывает пальцами кавычки.

Хана медлит, пытаюсь понять значение слов Майи.

– Ты сказала, что он всегда такой... Ты что, хорошо знаешь Сета, в смысле, помимо Джо?

Майя колеблется, краснея. А потом говорит, понизив голос:

– Ну, я бы не сказала, что хорошо знаю. Мы забирались вместе в горы несколько раз. Приятель приятеля. Так Джо с ним и познакомилась, через меня. На вечеринке.

– Ты не говорила.

Не только про то, как познакомились Джо и Сет, но и про вечеринку. Эта мысль ранит.

– Мне не казалось это важным. А что касается Джо, наверное, это не та романтическая история, которую ей хотелось бы показать подписчикам, – просто какая-то встреча по пьяни в пабе.

– И какое мнение у тебя о нем сложилось? В смысле, еще до Джо.

– Он придурок. Все эти улыбки, попытки очаровать, и в то же время за спиной... Пустышка, вот он кто. – Майя поводит плечами и смотрит в сторону коридора, а потом снова понижает голос: – Ходили слухи, что перед соревнованиями по скалолазанию он вел себя агрессивно. Пытался вывести

из себя соперников.

Она теребит сережку-гвоздик в ухе.

– И каким образом?

Хана теперь тоже шепчет и поглядывает на коридор, считая, что в любой момент может появиться Джо.

– Похоже, вчера с Джо он тоже вышел из себя. Набросился на нее из-за того, что она перебрала.

– Может, он просто встревожился. Она и впрямь была на бровях.

Лицо Майи мрачнеет. Хана меняет тему, кивнув на блокнот с набросками, пока кофемашина не начинает с бульканьем варить кофе:

– Я и не знала, что ты до сих пор рисуешь.

Искусство всегда было страстью Майи. Началось все после пожара – замысловатые, полные грез рисунки.

– Так, периодически, то тут, то там. Удача и слава мне точно не достались. – Она поднимает голову. – Забавно, правда? В молодости кажется, что у тебя все получится, целая вечность впереди. Я и впрямь думала, что после колледжа всего добьюсь. Успех, признание – все это каким-то волшебным образом займет свои места.

– И все еще может получиться. Тебе всего двадцать восемь.

Майя смеется:

– Мечты... Для этого нужно время, Хана. Сосредоточенность. Деньги. Правда в том, что у меня есть способности,

но я не гений.

Ошарашенная Хана суетится над чашкой, подставляя ее под носик кофемашины. А когда смотрит на Майю, то впервые видит, как она похудела, резкий утренний свет подчеркивает впалые щеки. Хорошо замечен ожог – полоска стянутой, словно расплавленной кожи, поднимающаяся по икре. У Джо тоже есть шрам, только на руке – рваный, в форме пузыря. Шрам Беа едва заметен – несколько пятен на правой ступне.

Постоянное напоминание о пожаре, который навсегда изменил жизнь Софии.

Только Хана выбралась без шрамов. И от этого раньше она чувствовала себя виноватой, но, глядя сейчас на Майю, задумывается, почему все так сосредоточились на внешних шрамах вместо происходящего внутри. В свое время они решили, что Майя хорошо справляется. Дети быстро приспосабливаются, говорила мама, но, может, Майя просто держала все внутри, подавляла, а теперь это начало проявляться.

– Ну, хватит уже обо мне. Мы так и не закончили вчерашний разговор. Как твои дела?

Хана тронута. Никто уже долгое время искренне не интересовался, как у нее дела. Она пожимает плечами:

– Плохие дни и не очень плохие. Думаю... – Хана умолкает, пытаясь правильно сформулировать мысль. – Думаю, все усугубляется еще и тем, как это произошло, я до сих пор не знаю всех подробностей. Если бы я знала все в точности,

было бы проще это осмыслить.

Все, что у нее есть, – это кошмарные и яркие картины, которые рисует воображение. Просто однажды солнечным апрельским утром Лиам один поехал по велосипедной тропе парка Холдон-форест.

Он выбрал самый сложный маршрут, попытался преодолеть специальную преграду под названием «Свободное падение» – деревянную дощатую конструкцию с трамплином высоко над землей. По результатам расследования, он так и не доехал до конца трамплина, а упал, приземлившись на голову. Он сломал шею, раздробив шестой позвонок.

Мгновенная смерть.

– Доброе утро.

Грезы нарушены, и Хана оборачивается. В дверном проеме стоит Сет в одних трусах с рисунком из крохотных пальм. Его темные волосы всклокочены и наэлектризованы.

– Джо еще не вернулась?

– Ты о чем? – спрашивает Хана.

– Она отправилась на пробежку, но не предупредила меня. А обычно оставляет сообщение.

– На пробежку, по такой-то жаре?

– Она всегда так делает после пьянки. Обычно в ее сториз после каждой пройденной мили появляются снимки «вымотанной Джо», которая ноет, что приходится бегать с похмелья. – Он смотрит в свой телефон: – Кстати, сегодня до сих пор ничего нет. Может, она поняла, что выпивка...

– Похоже, она встала очень рано, – бормочет Майя. – Я с шести на ногах.

– Наверное, – пожимает плечами он. – Но должна была бы уже вернуться. Пора завтракать.

Майя встает:

– Мне нужно принять душ, но буду готова через пятнадцать минут, если вы пойдете.

Сет кивает:

– Постучусь к Калебу и напишу Джо, что мы уже встали.

Все расходятся, и Хана остается наедине со своим кофе. Она уже собирается вынести чашку наружу, как замечает в кресле блокнот Майи. Любопытство пересиливает приличия, и Хана подходит ближе. Поставив кофе на стол, она открывает блокнот и листает его, одним глазком поглядывая на коридор. Это наброски знаменитой скалы, один чуть меньше другого. Рисунки-матрешки.

Она листает дальше, но остальные страницы пусты. Собираясь уже закрыть блокнот, Хана медлит, заметив рисунок в самом конце. Портрет Джо.

Кожа Ханы покрывается мурашками. Хотя Майя нарисовала Джо очень точно – нос с легкой горбинкой, полные губы, небольшая ямочка на подбородке, – в рисунке есть какая-то странность. Все черты словно налиты тяжестью, как будто Майя слишком сильно нажимала на карандаш, чуть не порвав страницу.

Эффект вышел интересный – Майя запечатлела Джо, но

в то же время как будто пыталась победить ее с помощью карандаша, с каждым штрихом склоняя ее портрет к подчинению.

– Прости, не знала, что Майкл будет таким навязчивым, – говорит Фарра, когда они следуют за Джастином по главной дорожке.

– Так бывает. Людям часто нужно выговориться после чего-то подобного, это способ пережить случившееся. – Элин старается говорить бодро, но ей по-прежнему жутковато после разговора с ним. – А что ты думаешь насчет его слов о том, как кто-то бродил тут посреди ночи?

Фарра качает головой:

– Какая-то бессмыслица. Туда невозможно добраться. Уже невозможно...

Она обрывает фразу, потому что Джастин останавливается у входа в главное здание, и стеклянные двери автоматически разъезжаются в стороны. Внутри они попадают в другой мир. Вестибюль выглядит изумительно – широкий и открытый, с дверьми из светлого дерева. Потолок стеклянный, стена слева тоже стеклянная, и помещение залито солнечным светом.

Белоснежные стены справа резко выделяются на фоне панелей с пола до потолка того же бледно-розового тона, что и внутренняя отделка. Панели приблизительно делят пространство на две равные зоны: зал для посетителей, с видом на скалу через стеклянную стену и потолок, и стойка адми-

нистратора с противоположной стороны. У задней стены стоит шеренга высоких кактусов.

Взгляд Элин прикован к огромному гобелену на стене за стойкой администрации. На нем абстрактные завихрения и линии, перемежающиеся с более мелкими, почти примитивными знаками.

Лишь подойдя ближе, она понимает, что это за знаки.

У нее подскакивает пульс. Это вовсе не абстрактные формы, а Жнец. Миниатюрные версии скалы, рассыпанные по ткани.

С неприятным чувством рассматривая гобелен, Элин видит все новые и новые изображения, некоторые того же цвета, что и фон, прячутся.

Фарра ловит ее взгляд:

– Красота, правда? Современный британский художник по текстилю, который когда-то ходил в школу на острове. Но когда работа висит здесь, это нечто, правда? – Фарра смотрит через стеклянную стену. – Прямо под скалой.

И лишь тогда Элин как следует рассматривает через стеклянный потолок и стену массу камня, нависающего над ними. И невольно отшатывается. С этого ракурса огромная скала подавляет – кажется, что еще метр, и она врежется в здание.

– Элин? В чем дело? Джастин готов. А ты?

– Я тоже.

Она выдавливает улыбку, и они идут по коридору, отхо-

дящему от вестибюля.

Джастин ведет их в комнату в самом конце коридора.

– Я все подготовил.

Элин быстро оглядывает комнату. Задняя стена увешана многочисленными экранами, на каждом разные зоны курорта. Комната наполнена знакомым запахом офиса: кофе в смеси с пластмассой.

Привычно уменьшив изображение на одном экране, Джастин выводит на него другое.

– Камера находится перед зданием, выходящим на павильон. И поворачивается слева направо. – Его пальцы проворно бегают по клавиатуре. – Это прямой эфир.

Элин видит павильон, на коленях стоит Леон и что-то рассматривает.

Пальцы Джастина замирают над клавиатурой.

– На какое время отмотать?

– Давайте попробуем примерно с одиннадцати часов вчерашнего вечера.

Он начинает перематывать запись. Из-за внешнего освещения картинка довольно четкая, но все-таки присутствует серая зернистость ночного времени.

– Скажите, если что-нибудь заметите, я остановлю.

По экрану быстро мелькают изображения. Все одинаковые – все тот же фон с серыми помехами.

23.00, 00.00, 00.30, 1.00...

– Стойте... Я что-то увидела. Вот...

Элин показывает.

Джастин отматывает назад и замедляет видео до нормальной скорости.

В левом нижнем углу экрана мимо камеры, пошатываясь, идет женщина, в ее руке что-то болтается. Несмотря на сумеречное освещение, Элин уверена, что это погибшая женщина – та же длина волос, та же одежда.

Женщина останавливается в центре павильона для йоги и идет к ограждению. Кладет на балюстраду шарф. Тот соскальзывает и падает с другой стороны.

Через несколько секунд камера поворачивается вправо, и сцена больше не видна. Элин разочарованно наклоняется вперед, и камера медленно скользит обратно. Когда женщина снова появляется, она уже наклонилась через балюстраду, как будто пытаясь достать шарф.

Внезапно ее ступня рывком дергается назад, и женщина наклоняется через балюстраду еще сильнее. Этого оказывается достаточно, чтобы она начала запрокидываться, и теперь падение уже не остановить. Вес тела и инерция несут ее вниз головой через ограждение, ноги вытянуты вверх, лицо и тело прижимаются к другой стороне стеклянной панели.

Руками она по-прежнему цепляется за балюстраду. На краткий миг Элин кажется, что женщина сумеет выбраться, но этого не происходит. Через секунду ее правая рука отпускает ограждение, левая неуклюже выворачивается в суставе, и она делает кувырок, ноги наконец оказываются снизу.

Элин смотрит затаив дыхание – становится ясно, что женщина долго не удержится.

Время как будто замедляется. Элин не знакома с женщиной, но в это мгновение кажется, будто хорошо ее знает. Забравшись ей в голову, представляет панику, нарастающее отчаяние, когда ладони становятся скользкими от пота и она чувствует, как скользит вниз.

Такой вес не удержать. Она падает.

Все молчат, по-прежнему глядя на пустое пространство в том месте, где только что была женщина. Никакие слова не могут заполнить эту пустоту.

Утренний воздух тих и наполнен мускусным ароматом цветов. Вся компания медленно движется по петляющей каменной тропе к главному зданию, пересекая тонкие полосы света, просачивающегося сквозь длинные сосновые ветви.

Вчерашняя атмосфера пьяного веселья пропала, и неловкость подчеркивается низким уровнем сахара в крови и отсутствием главного специалиста по социальным связям – Джо. Лишь в ее отсутствие Хана понимает, насколько Джо умела заполнять трещины между ними.

Когда они поворачивают за угол, Сет начинает болтать, перескакивая с одной темы на другую. Главные события цифровой жизни. Поездка в Сан-Франциско. Биооружие. Он говорит быстро, словно это может вдохнуть в их компанию жизнь, но увы. Они снова умолкают, погружаясь в мир разных звуков. Пение птиц. Голоса из какой-то виллы. Шлепанье сандалий Майи по камням.

Майя берет Хану под руку. Ее кожа на удивление холодная.

– Сету не нравится, что Джо нет рядом, да? – шепчет она. – Ты никогда не видела его с этой стороны.

Хана кивает. И впрямь удивительно. Она всегда считала, что это Сет придает Джо энергии, а выяснилось, что все наоборот. Без нее он выглядит рассеянным.

Майя поворачивается к Сету:

– От Джо до сих пор ни слова?

– Погоди-ка... – Сет хлопает по шортам – левый карман, затем правый. – Черт, я оставил телефон на вилле.

Все останавливаются.

– Мы подождем. – Калев передергивает плечами, и Сет идет обратно. – Не торопись.

– Мне в любом случае надо отправить несколько писем. – Майя набирает текст на телефоне, но в ее движениях и легких подрагиваниях головы, на взгляд Ханы, видно раздражение.

Хана останавливается рядом с ней:

– В чем дело?

Майя пожимает плечами:

– Да все как обычно. Это по работе. Если в ближайшее время куда-нибудь не устроюсь, придется в очередной раз переезжать в квартиру поменьше.

– А что с той работой, на которую тебя рекомендовала Джо?

Лицо Майи каменеет.

– Она была временной. Несколько месяцев назад меня уволили. И с тех пор я ничего не нашла.

Хана не может понять сложности Майи с работой. Она ведь такая сильная во всех остальных сферах – покоряет горы, умеет отстаивать свое мнение, – но ей не хватает упорства в карьере. Диплом художника так ни к чему и не привел,

и хотя она работала в разных местах – в галерее, в книжном, в кол-центре, – ее душа, похоже, к этому не лежит.

Майя смотрит на Хану:

– Хана, а ты иди займи нам столик. Я подожду здесь вместе с Каледом, чтобы Сет не решил, будто мы его бросили.

– Ладно, оставайтесь, – отвечает она, понимая, что это значит. – Встретимся там.

Хана медленно идет по дорожке. На жаре это тяжело, но она все равно чувствует, как будто с груди сняли тяжкий груз. Ужасно так говорить о собственной семье, но в одиночестве ей дышится легче.

Наверху, у павильона для йоги, она видит группу людей. Туда стекаются все новые, и она выворачивает шею, пытаясь узнать, на что они смотрят.

Наконец взгляд выхватывает всю картину: вокруг павильона натянута перекручивающаяся бело-голубая лента, а перед ним с серьезным лицом стоит представитель «Люмен». Но больше всего бросается в глаза яркое пятно.

Единственная вспышка цвета на приглушенно-нейтральном полу павильона.

На одно странное мгновение взгляд фокусируется на смятом полиэтиленовом пакете и яркой, кричащей ткани, лежащей внутри. Хане становится еще жарче, не только от солнца на лице, но и от понимания.

Это шарф, который вчера вечером был на Джо, мать привезла его из отпуска в Лигурии. Яркие цветочные пятна напо-

минают брызги краски.

Но почему шарф здесь?

Она замечает рядом с ним мужчину в мятом белом спецкостюме.

И тут у нее в голове все складывается воедино. Этот мужчина, бело-голубая лента и засунутая в пакет ткань. Ее тошнит, кружится голова, словно остров внезапно стал лодкой, и земля уплывает из-под ног.

Хана делает глубокий вдох, потом еще один, чувствуя, как ее покачивает, приходится раскинуть руки, чтобы не упасть. Теперь она видит, как тот мужчина шевелит губами, но слов не слышно. Лишь кричат чайки, кружа над головой, и грохочет кровь у нее в ушах.

Хана бросается вперед, к павильону.

Сделав два шага, она поскользывается. У сандалий на тесемках, которые она выбрала, потому что в них есть что-то молодежное и прикольное, совершенно плоская подошва. Тонкий слой песка на дорожке действует как масло. И через секунду ее ноги комично разъезжаются.

Выпрямившись, она идет дальше, протискиваясь сквозь толпу собравшихся людей. Представитель курорта протягивает руку, чтобы ее остановить, но Хана напирает всем телом и отталкивает руку. Она врывается в павильон почти бегом и направляется прямо к человеку в белом костюме, стоящему у балюстрады в дальнем конце. Он поворачивается, удивленно распахнув глаза.

Он поднимает руку, и его губы шевелятся, словно в замедленной съемке.

— Нет, — говорит он, и слово слишком гулко раскатывается в голове, как будто она слушает из-под воды.

Лишь увидев нарисованные маркером стрелки на стеклянной балюстраде, она понимает все.

Шагнув к балюстраде, она перевешивается через нее, прижавшись талией к стеклу, и смотрит на скалы внизу. Взгляд скользит мимо мужчины и женщины в белых спецкостюмах к распростертому на камнях телу.

Это женщина в черном платье, ее светлые волосы рассыпались по камням. У Ханы перехватывает дыхание.

Она мысленно визжит и брыкается как ребенок, от воплей раздирает горло.

Когда она наконец снова может дышать, то способна лишь охнуть. Ее сестра погибла. Она мертва.

Элин нарушает тишину:

– Мне нужна копия записи.

Не только чтобы приложить к делу, но и чтобы лучше рассмотреть момент падения. Элин что-то беспокоит, но она никак не может разобраться. Возможно...

Ее мысли прерывает громкий щелчок. Открывается дверь, и входит работник курорта, явно взволнованный.

– Фарра, прошу прощения, что помешал, – запинаясь произносит он, – но там женщина, в павильоне для йоги. Она кричит.

Блондинка на полу рядом с Леоном обхватывает себя руками, подтянув колени к подбородку. Постриженные до плеч волосы сбились и падают на лицо, закрыв его.

С ужасным предчувствием Элин надевает бахилы и ныряет под ленту. Приблизившись, она видит, что колени у женщины разодраны и кровоточат, на кожу налипли песок и камешки. Женщина так крепко сжимает пакет для улик, что прорвала полиэтилен и пальцы касаются яркой ткани внутри. Она похожа на ребенка, отказывающегося расставаться с любимым одеялом.

Леон присел рядом с ней и что-то тихо говорит, вероятно, пытаясь убедить ее отдать пакет, но женщина не реагирует. Когда она поднимает голову, волосы открывают лицо, и она

переводит остекленевший взгляд на Элин.

Леон тоже смотрит на Элин – с отчаянием в глазах.

– Прости, я не сумел ее остановить. Она пробежала мимо работника «Люмен», который стоит на дорожке, и нырнула под ленту.

– Ничего страшного. Я разберусь. – Элин приседает рядом с женщиной. – Здравствуйте, – мягко говорит она. – Я детектив-сержант Уорнер. Вы знаете, что в пакете и кому это принадлежало?

Женщина медленно поднимает взгляд.

– Это шарф, – говорит она так тихо, что Элин едва разбирает слова. – Его привезла моя мама из Италии. – Ее голос дрожит. – Я только что посмотрела вниз. Это моя сестра.

Элин кивает, чувствуя, как пот щекочет ей лоб у волос.

– Может быть, вы встанете и мы поговорим? Но сначала отдайте мне пакет, пожалуйста. Важно, чтобы его содержимое осталось нетронутым, так нам будет проще понять, как это случилось.

Женщина беззвучно кивает и отдает пакет ей. Передав его Леону, Элин помогает женщине подняться и ведет через павильон. Они уже собираются нырнуть под ленту, как на дорожке внизу звенит голос:

– Хана? Что тут происходит?

Элин поднимает взгляд. С телефоном в руке к ним идет белокурая девушка с точеной фигурой. Она одета для пробежки – в ярко-синие шорты и черную майку. Волосы отки-

нуты с лица и пришпилены синим ободком, а лоб покрыт испариной.

– Хана? – повторяет девушка. – В чем дело?

Она делает еще один шаг, как будто собираясь войти в павильон, но потом останавливается, заметив ленту.

– Боюсь, произошел несчастный случай, – отвечает Элин. – Из павильона кто-то упал. Хана считает, что это ее сестра.

– Это она, я точно знаю. – Хана снова смотрит на балюстраду. – Джо, это Беа.

– Беа? – Джо отбивает нервный ритм кроссовкой. – Это невозможно.

Голос Ханы дрожит и превращается в пронзительный визг:

– Это Беа!

Джо хватается Хану за руку:

– Но ведь Беа в Америке! Ты сама прекрасно знаешь. – Повернувшись к Элин, она понижает голос: – Простите, у моей сестры сейчас непростой период. Наверное, у нее потрясение после того, как она увидела...

– Я знаю, что это она, – дрожащим голосом говорит Хана, указывая на пакет для улик рядом с Леоном. – Это ее шарф, такой же, как у тебя, – мама купила вам одинаковые. Я видела ее на скалах. Это Беа. Она погибла.

Дрожащий голос сменяется тихими всхлипываниями.

Элин ждет реакцию Джо, но последние слова Ханы как

будто не достигают цели.

– Слушайте, давайте спросим Калеба, – говорит она Элин. – Это бойфренд Беа. Он наверняка разговаривал с ней утром. Калев! – кричит она.

Элин рассматривает компанию, обходящую павильон по периметру. Разношерстная группка состоит из миниатюрной хрупкой брюнетки и двух мужчин. Тот, что повыше, – брюнет с густой бородой, а другой в кепке. Им явно не по себе, когда они замечают ленту, Леона и его оборудование.

– Что здесь случилось?

Девушка останавливается рядом с ними. Она пусть и миниатюрная, но жилистая и спортивная. Видимо, занимается скалолазанием, догадывается Элин, заметив мозолистые руки и мешковатые спортивные шорты.

– Кто-то упал. Ужасный несчастный случай. – Джо умолкает, чтобы ее слова прозвучали медленно и серьезно, но каким-то образом это намекает на обратное – снисходительность. Дескать, приободрите нас, пока я объясню нечто смехотворное. – Хана считает, что это Беа. – Она поворачивается к Элин и машет рукой в сторону Калеба: – Это Калев, бойфренд Беи. Ты ведь общался с ней сегодня?

Калев открывает рот, собираясь что-то сказать, но тут же снова закрывает.

– Ну, вообще-то нет, – наконец медленно говорит он. – Но вчера вечером, когда мы возвращались с пляжа, она написала. – Он вытаскивает из кармана телефон и щелкает по

экрану. – Написала, что ужин закончился и она возвращается обратно в отель. – Его голос смягчается: – Так что у нее все хорошо, Хана. Оттуда упала не Беа, а кто-то другой. – Через мгновение он добавляет: – Слушай, я могу позвонить ей. Чтобы все прояснить. Пощелкав по экрану, он подносит телефон к уху и слушает гудки. Повисает напряжение, но через несколько секунд раздается громкий писк. – Переключилось на автоответчик.

– Калев, ты забыл про разницу во времени, – неловко произносит его приятель – тот, что повыше. – Она еще не проснулась.

– Ну, если и так, то ее помощница Делла уже должна проснуться. Она в Британии. Калев отходит в сторону и взволнованно щелкает по экрану снова, расхаживая взад-вперед. Элин слышит тихий разговор. Он выговаривает слова медленно и осторожно. Может, просто тянет время, а может, это его обычная манера говорить.

Когда через несколько секунд он возвращается к остальным, еще с телефоном в руке, Элин замечает, как он косится на балюстраду.

– Она... – Он умолкает, чтобы взять себя в руки. – Беа не уезжала в Штаты. Вчера она отменила поездку.

Его слова как будто вызывают землетрясение.

На лицах всей компании отражается сначала удивление, а потом ужас.

Джо качает головой:

– Я лучше сама проверю.

Она бросается к павильону и ныряет под ленту.

– Нет! – говорит Элин, но слишком поздно.

За несколько шагов Джо оказывается у стеклянной балюстрады.

Спустя несколько секунд она возвращается с побелевшим лицом.

– Ты была права, Хана. Это... – Она умолкает, в ее глазах проступают слезы. – Это Беа.

Для разговора с Леджерами Элин выбирает угловой столик на террасе ресторана, с видом на почти пустой бассейн. При взгляде сквозь толщу воды и стеклянный пол на зазубренные скалы внизу у Элин перехватывает дух. Она ни за что не доверилась бы этому стеклу.

Дожидаясь, пока рассядутся все остальные, она вытаскивает из сумки блокнот. Кто-то из персонала ставит на стол кувшин с водой и стаканы.

Джо тут же встречается:

– Вот, Хана, возьми. – Она придвигает по столу пустой стакан, но Хана не реагирует, а механически раздирает в руке салфетку, усеивая стол крошечными белыми обрывками.

Элин откашливается:

– Спасибо, что нашли время для беседы со мной. Понимаю, как это трудно в подобных обстоятельствах, но мне важно узнать о Беа побольше, в особенности почему вы считали, что она не должна здесь находиться.

– Конечно. – Распухшими от слез глазами Калед смотрит ей в лицо. – На этой неделе Беа собиралась работать в США. Она корпоративный юрист из Лондона, но у фирмы есть офис в Нью-Йорке.

Элин кивает, немного сбита с толку его идеальной дикцией, идущей вразрез с написанными на лице эмоциями.

– А сначала она планировала приехать?

– Да. – Джо разворачивает лежащий на столе телефон. – Мы хотели устроить семейный отдых. Давно не виделись.

– И кто придумал эту поездку?

– Я, – отвечает Джо. – Ну, я все организовала после того, как кто-то это предложил. Мне показалось, что это удачная мысль. Я известный блогер, поэтому связалась с отделом маркетинга «Люмен» и получила приглашение на курорт. Я позвала остальных.

– Когда Беа отменила поездку?

Джо размышляет.

– Несколько недель назад, она сказала, что уезжает в командировку, от которой не может отказаться, но Калеб придет. и мы сможем узнать друг друга получше.

Элин кивает:

– И не было никаких признаков, что Беа передумала? Никаких пропущенных сообщений?

– Нет. Она даже написала, что самолет приземлился в Штатах вовремя, – говорит Калеб. – Хотя она и была в отъезде, мы постоянно общались. В смысле, я думал, что она в отъезде, – поправляет себя он. – Как я и сказал, она даже написала мне вчера вечером. Мы были на пляже, отправили ей групповое фото. Она не взяла трубку, но написала пару слов. – Покопавшись в телефоне, он показывает экран Элин: – Вот, смотрите. Это было... – он смотрит на экран, – в двадцать три ноль три... Мы только что вернулись на виллу.

Он снова поворачивает телефон к Элин.

Она смотрит на экран и кивает.

– Больше никто не покидал виллу?

– Нет.

Остальные качают головами.

Элин поворачивается к Калебу:

– А когда вы в последний раз с ней разговаривали?

Пауза.

– В день ее отъезда, в четверг, – медленно говорит он. –

Обычная история, когда она уезжает по делам. Мы не считаем нужным постоянно разговаривать, в особенности во время короткой командировки.

Элин кивает с нарастающей тревогой. Судя по видеозаписи, падение было случайностью, но Элин все равно беспокоит, что Беа не собиралась приезжать на остров.

Почему же она все-таки приехала, причем без предупреждения? С какой целью?

Ей приходит в голову только одно объяснение, да и то остается нестыковка. Она же должна была сообщить хотя бы администрации курорта? Элин решает озвучить свои сомнения и посмотреть на реакцию:

– Может быть, она хотела устроить сюрприз?

– Нет, – немедленно отвечает Хана. Это первые ее слова с тех пор, как они сели за стол. – Это не в характере Беа. Она всегда все планирует.

– Она права, – кивает Каледб. – И зачем вообще столько

сложностей?

Повисает напряженная тишина, и, глядя на них, Элин замечает, как розовеет шея Джо.

– Вообще-то, я думаю, вполне возможно, что она решила устроить нам сюрприз, – тихо говорит Джо. – Своего рода жест примирения.

– Жест примирения? Не понимаю... – поворачивается к ней Калеб.

Снова повисает пауза, и Элин предпочитает ее не прерывать.

– Когда она в первый раз сказала, что не приедет... – напряженным тоном говорит Джо, – у нас состоялся трудный разговор. Я столько времени это планировала. Все организовала, а это было непросто, а тут она пошла на попятную, ни с того ни с сего. Я расстроилась, такое впечатление, что ей было плевать на все мои усилия...

Сет накрывает ее руку ладонью:

– Джо, не сейчас...

– Да, именно так это и выглядело. И в итоге я кое-что ей высказала.

– Что именно? – почти срываясь на крик, говорит Хана.

– Просто сказала, что ей нужно определиться с приоритетами. Поставить семью на первое место. – Она колеблется. – Не смотри на меня так, Хана. Это правда. Мы никогда не были у нее на первом месте, в особенности мама с папой. Сколько раз она пропускала семейные встречи? Папин день

рождения в прошлом году...

Чувствуя, что эмоции зашкаливают, Элин прерывает ее:

– Так вы считаете, что ее приезд – это способ все изменить?

Джо резко кивает.

Элин уже собирается задать новый вопрос, но останавливается – к ним идет Фарра.

Оказавшись рядом с ней, Фарра наклоняется и шепчет на ухо:

– Извини, что отрываю, но, кажется, мы знаем, как Беа Леджер попала на остров.

Извинившись, Элин идет за Фаррой к ближайшему столу, за которым ждет ее подчиненный.

– Это Том, инструктор по водному спорту.

Фарра ободряюще улыбается ему, он кивает и неловко здоровается, ероша темные волосы рукой.

– Простите, я должен был заявить об этом раньше, но сегодня я не в первую смену. Заспался.

Одевался он явно наспех. Голубая рубашка неправильно застегнута, шорты цвета хаки без ремня и падают с талии.

– Ничего страшного. Можете ввести меня в курс дела?

Том кивает, сдвигая солнцезащитные очки на макушку. Элин мысленно смещает оценку его возраста в большую сторону – лет тридцать пять, судя по тонким морщинкам у глаз.

– Мы с Беа познакомились в университете. Ходили на одни и те же лекции. Несколько месяцев назад она сказала мне, что приедет. Такое приятное совпадение. Я с нетерпением ее ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.